

Е.П. ЯНИН

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ
И ЕГО УЧЕНИЕ О ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ
И РАЗВИТИИ ГОРНОГО ДЕЛА
В РОССИИ

МОСКВА - 2002

МИНИСТЕРСТВО ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИНЕРАЛОГИИ, ГЕОХИМИИ И КРИСТАЛЛОХИМИИ
РЕДКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Е.П. Янин

Юрий Крижанич
и его учение о природопользовании
и развитии горного дела
в России

МОСКВА - 2002

УДК 551+947

Янин Е.П.

Юрий Крижанич и его учение о природопользовании и развитии горного дела в России. - М.: ИМГРЭ, 2002. – 79 с.

Юрий Крижанич (1618-1683), выдающийся славянский просветитель и видный общественно-политический деятель XVII века, человек трудной судьбы, известен как страстный пропагандист идеи объединения славян, главную роль в осуществлении которой отводил Русскому государству. В 1659 г. он приехал в Москву, но по неизвестной причине был сослан в Тобольск, где провел 15 лет и написал значительную часть своих произведений, в том числе знаменитую “Политику”. Этот труд Крижанича является важным источником по истории России XVII столетия; в нем также затрагиваются философские, политико-экономические, государственно-правовые, этические проблемы.

Именно в “Политике” Крижанич изложил собственную программу политического, экономического и духовного возрождения Российского государства. Ее основополагающим ядром является оригинальная концепция природопользования и развития горного дела, в которой впервые были сформулированы важнейшие положения о роли и значимости природных ресурсов в экономике страны и в жизни общества, принципы их освоения и рационального использования. Однако учение Юрия Крижанича о природопользовании и развитии горного дела представляет интерес не только с исторической точки зрения, оно не потеряло своего практического значения и сейчас.

Ответственный редактор

Н.К. Дмитренко

© Янин Е.П., 2002

*Памяти моего отца
Янина Петра Прокофьевича
1911-1999 гг.*

Посадский дом
У стен монастыря.
Свечой в окне
Горит заря.
И бледный лик
Сквозь зеркало стекла.
Седой старик
Склонился у стола.
Дрожит гусиное перо.
Оно оточено остро.
И острой памятью тех лет
Горит зари нетленный свет.

*... то вам будет, господа мои и братие,
благочестивый русский народ,
от меня смертный разряд
и философских моих промыслов
малая память.
Юрий Крижанич,
“Смертный разряд”, 1675 г.*

*Движение вперед обуславливается
долгой, незаметной и неосознанной
подготовительной работой поколений.
Достигнув нового и неизвестного,
мы всегда с удивлением находим в прошлом
предшественников.
В.И. Вернадский,
“Памяти М.В. Ломоносова”, 1911 г.*

Введение

В 1870 г. П.А. Бессонов, один из первых биографов и издателей трудов Юрия Крижанича, утверждал, что исследователи будут еще не раз обращаться к жизни и творчеству первого “проводника славянской взаимности”. В 1917 г. известный славист В. Ягич отметил, что многое в литературном наследии Крижанича, “этой богато одаренной, но немилосердно сотрясаемой судьбой личности”, осталось нераскрытым и нуждается в дальнейшем изучении. В 1984 г. Л.Н. Пушкарев указал на необходимость более детального и глубокого изучения творческого наследия Крижанича, что не только позволит выявить его значение и место в истории славянской и русской общественно-политической мысли, но и подтвердит “глубокую оригинальность взглядов Крижанича, своеобразность его мышления, неповторимую индивидуальность его теорий и проектов”.

В русской историографии, по справедливому замечанию М.А. Алпатов [3], трудно найти фигуру, которая вызывала бы столько противоречивых о себе мнений. Юрий Крижанич, - утверждали одни, - славянский патриот, поборник свободы и единства славянских народов, первый теоретик русского национального самосознания. Нет, - заявляли другие, - Крижанич, прежде всего, убежденный деятель в пользу католичества, тайный агент папского престола, лживый, изво-

ротливый иезуит, каннибал в рясе. Для одних Крижанич - типичный средневековый теолог, странствующий пророк, идеолог панславизма; для других - просветитель по призванию, тонкий наблюдатель и дальновидный исследователь, гениальный писатель и публицист, выдающийся филолог и лингвист, крупный политик, человек со светлой головой, превосходивший современников широтой взгляда и основательностью образования.

Веком гениев назвал А. Уайтхед [64] семнадцатое столетие. Европейские народы, считает британский ученый, более двухсот лет жили, используя капитал идей выдающихся представителей XVII в., оставивших “в качестве своего завещания целостные системы, объемлющие все аспекты человеческой жизни”. Семнадцатое столетие - это время, когда наука о природе и математика благодаря “бессмертной работе человеческого гения” получили “значение как изменяющие условия человеческого существования исторические силы”, как силы, меняющие “явления жизни, геологические процессы, энергетику планеты” [15]. Юрий Крижанич (1618 – 1683), магистр философии и доктор богословия, был достойным представителем века гениев.

В “Грамматично исказание об Руском езику” Крижанич определил свою родину так: “между Купою и Вуною реками: в уездех Бихца града, окол Дубовца, Озля и Рибника острогов” [23]. Бихиц – это современный город Бихач, расположенный на северо-западе Боснии, на р. Уне, в одной из межгорных котловин Динарского нагорья. Происходил Юрий из обедневшей хорватской дворянской семьи; отец его Гаспар принадлежал к роду Крижаничей-Неблюшских, мать - Сусанна Оршичева была дочерью Матвея Оршича, одного из свойственников Гаспара Крижанича по женской линии. В 16 лет Юрий Крижанич потерял отца; мать его умерла после 1647 г. Младшая сестра - Варвара - вышла замуж за помещика Юрия Сандрича.

Начальное образование Крижанич получил либо у местного священника, либо дома, пройдя, судя по всему, обычный для того времени курс обучения. Затем он учился в Загребской католической семинарии, в Венской коллегии для хорватов, в Болонской венгеро-хорватской колонии, которая была известна как центр юридических и церковных наук (Юрий окончил курс обучения шестым учеником из 30 по успеваемости). Для получения высшего образования Крижанич в начале 1641 г. поступает в греческий (иезуитский) коллегиум Св. Афанасия в Риме, который подчинялся Конгрегации пропаганды веры и готовил миссионеров для схизматиков православного Востока. В конце 1641 г. Юрий Крижанич рукоположен в священники, в январе 1642 г.

возведен в сан миссионера, а в сентябре 1642 г. защитил диссертацию и стал доктором богословия. В 1643-46 гг. Крижанич служит священником в различных приходах Загребской епархии. В октябре-декабре 1647 г. он в первый раз посещает Москву (будучи переводчиком при посольстве Речи Посполитой к царю Алексею Михайловичу). В 1650-51 гг. Крижанич - священник при посольстве Священной Римской империи к турецкому султану. По возвращении из Стамбула он обосновался в Риме в Иллирийской конгрегации Св. Иеронима, принимает активное участие в ее деятельности. В этот период он занимается наукой, фольклористикой, переводами, пишет стихи, готовит к изданию два трактата о музыке на латинском языке*, путешествует по Европе, а также добивается у Конгрегации пропаганды веры разрешения на поездку в Москву.

Юрий Крижанич, считает Л.Н. Пушкарев, принадлежит к мыслителям, умами которых владеет одна идея. У Крижанича такой идеей был союз всех славян во главе с великим русским народом (“глава всем - народ и имя русское”), идея славянского единства, “славянской взаимности”. Отсюда его настойчивое желание попасть в Москву, поскольку “объединение всеразбитого славянства надобно было повести из какого-либо политического центра, а такого центра тогда еще не было налицо, он не успел еще обозначиться, стать историческим фактом, не был даже политическим чаянием для одних и пугалом для других, как стал позднее. И эту загадку чутко разгадал Крижанич. Он, хорват и католик, искал этого будущего славянского центра не в Вене, не в Праге, даже не в Варшаве, а в православной по вере и татарской по мнению Европы Москве. Над этим можно было смеяться в XVII в., можно, пожалуй, улыбаться и теперь; но между тогдашним и нашим временем были моменты, когда этого трудно было не ценить” [32].

По мнению академика В.И. Пичеты, Юрий Крижанич - очень образованная личность, превосходно знающая Святое Писание и умело им пользующаяся. Он знаком с церковно-учительской литературой Запада; чрезвычайно начитан, ему известны политические и исторические сочинения древности и нового времени. Крижанич “большой самостоятельный мыслитель, во многих вопросах ушедший от доминирующих суждений его века. Широта кругозора Крижанича

* Любопытны названия этих работ: “Новый способ сочинять музыку с удивительной легкостью” и “Знания о музыке, совершенно новые и никем прежде не изданные, предназначенные к защите Георгием Крижаничем на академическом диспуте”.

прямо-таки поразительна... Никоим образом нельзя считать Крижанича поверхностным дилетантом. Наоборот, все вопросы, которых он касался, обнаруживают большую осведомленность автора, его глубокий критический и в то же время философски-обобщающий ум” [49].

Действительно, энциклопедичность научных интересов и знаний Крижанича невероятна даже для века гениев и в буквальном смысле “объемлет все аспекты человеческой жизни”: богословие и философия, политика и экономика, социология и эстетика, теория военного дела и музыки, лексикография и лингвистика, география и горное дело, история и историография, фольклористика и этнография, науковедение и юриспруденция. Юрий Крижанич – писатель, публицист, поэт, переводчик, книговед. Он, по его собственным словам, обладал достаточными знаниями в области арифметики и математики и интересовался астрономией, “чтоб иметь возможность рассуждать об исправлении календаря и предложить себя государю московскому для преподавания математики” [8]. Крижанич мечтал написать “Историю славян” и одним из первых подверг критике свидетельства русских летописей о призвании на Русь варягов, а также популярную в Западной Европе легенду о происхождении славянских народов от трех братьев – Чеха, Леха и Руса. В своих работах он приводит множество исторических фактов, обращается к событиям своего времени. В большинстве случаев Крижанич самостоятелен в оценке исторических событий и, как правило, исходит из реальных условий человеческого бытия, дает объективный анализ, а не только описывает события и явления, пытается найти их причины и основания, видит не только отдельные факты, но стремится к обобщениям и философским интерпретациям. Юрию Крижаничу, подчеркивал В.И. Пичета [49], не чуждо было понимание многих сторон сущности исторического процесса, что приближало его взгляды к историко-философским теориям XVIII в. Крижанич – последовательный критик тиранистского режима и насильственной системы власти, мечтающий, как, например, и Паскаль, об “империи разума”, которая давала бы определенные законом гарантии защищенности, счастья и благополучия для всех людей. Между прочим, эта проблема актуальна и сейчас.

Крижанич обладал удивительной способностью к языкам (он владел хорватским, сербским, венгерским, турецким, латинским, немецким, итальянским, ново- и древнегреческим, испанским, русским, голландским, польским языками), что, пожалуй, и определило главное направление его научных занятий: в истории науки он известен прежде всего как выдающийся филолог и лингвист. Юрий Крижанич одним из

первых в мире заинтересовался проблемой универсального языка и приложил немало усилий для создания “всеславянского эсперанто”, угадывая, по словам В.О. Ключевского, верный путь к объединению славян: “чтобы людям сойтись друг с другом, им надобно прежде всего понимать друг друга, а в этом мешает славянам их разноязычие” [32]. О.М. Бодянский называет Крижанича отцом сравнительной славянской филологии, первым на сем поприще в целой Европе, и обращает внимание на его “замечательную проницательность, объем помыслов, ученость и знание языков древних и наречий славянских... Как метко очертил он... состояние главных славянских наречий в свое время!” [23]. Языковедческие работы хорвата, по мнению А.А. Реформатского [58], поражают своей точностью. И хотя Крижанич “не достиг своей главной цели, однако, основную идею провел всюду строго и систематически стройно; а проводя ее, сколько сделал остроумных, глубоко верных и поразительных замечаний вообще о славянском языке и разных его наречиях. Сколько новых правил и особенностей подметил и первый высказал, таких, которые только в новейшее время лучшие европейские и наши славянские филологи, опираясь на все пособия и богатства науки и средств, обнаруживали нам” [23]. Крижанич был первым лингвистом, заинтересовавшимся звуковой стороной языка, совершенство которого, по его мнению, самое необходимое орудие мудрости и едва ли не главный ее признак.

В 1659 г. Крижанич вторично приехал в Москву с надеждой направить свои силы, талант и знания на объединение всех славян, на просвещение русского народа и культурно-экономическое развитие России. В 1661 г. по неизвестной причине он был сослан в Тобольск [8, 55]*, где провел пятнадцать лет и написал несколько произведений, в том числе “Razgovôri ob wladâtelystwu” (“Разговоры об владательству”, или “Беседы о правлении”) [33, 59], труд, законченный им примерно к 1666 г., известный сейчас под названием “Политика” и являющийся одним из выдающихся современных свидетельств о России второй половины XVII века*. Именно в “Политике” Крижанич изложил собственную программу политического, экономического и духовного возрождения России, отличающуюся оригинальностью, многообразием теоретической проработки и практической направленностью.

* В 1676 г. Крижанич напишет, что пострадал за “некое глупо слово”, сказанное им “одному господину”, который на него “сумню завзял”. “И за то слово я в ссылке 15 лет довольно бедности и муки претерпел” [8].

Работая над программой настоятельных мероприятий, необходимых, по его разумению, в российской правительственной системе, в народном хозяйстве, в просвещении, в культуре, Крижанич знал, что никто его мнений об этих предметах не спрашивает, никому до них нет дела**. Тем не менее он продолжает свой труд, утешая себя тем, что “таково есть наше философское бедное устройство”, и питаясь надеждой, что “благоверный русский народ” когда-нибудь все же воспользуется плодами размышлений “червя Юрки Сербянина”, прожившего, по его собственным словам, суетную и плачевную жизнь.

* “Крижаничу, - пишет Ключевский, - можно отвести особое, но видное место среди наших исторических источников: более ста лет не находим в нашей литературе ничего подобного наблюдениям и суждениям, им высказанным. Наблюдения Крижанича дают изучающему новые краски для изображения русской жизни XVII в., а его суждения служат проверкой впечатлений, выносимых из ее изучения”. Историк подчеркивает, что “от мелких наблюдений и детальных проектов мысль Крижанича поднимается до широких обобщений: славянорусский Восток и инородческий Запад у него – два особые мира, два резко различных культурных типа”, он “всюду сравнивает состояние западноевропейских государств с порядками государства Московского. Здесь Россия впервые ставится лицом к лицу с Западной Европой” [32]. Отныне от “проклятейшей” (по выражению В. Ходасевича) проблемы нашей истории – проблемы “Россия и Запад” – не может уйти ни один мыслящий человек.

** “Я, - говорил Крижанич, - никогда не думал приступать к этому без посоха и сумы, ибо я не претендую на жизнь апостольскую, до коей по добродетелям и ревности мне далеко”. Тем не менее он тяжело переживал свою ссылку, в которой находился с 8 марта 1661 г. по 5 марта 1676 г., и вынужденное безделье (ему так и не поручили какое-либо дело): “Никто от меня не спрашивает никакого рукоделья, ни услуги, ни совета, ни помощи, ни работы, а Божия и царская милость питает меня, столь бездельного, будто какое-то животное”; он пишет, что соблюли его, как животное на запоре, к закланию: “и вот я, окаянный, передумываю, и боюсь, и трепещу, когда придет сего заклания моего время, а оно не может быть далеко, да не спросит меня Владыка о напрасно потраченном времени и о зарытом таланте, да не речет, Раб худой и ленивый, ты ведал, что Я жну, где не сеял!” И с горечью продолжает: “Меня прозвали скитальцем, бродягой...: несправедливо. Я пришел к тому царю, который единственно в мире был царем моего рода-племени, моего языка; я пришел к нации своей, к отечеству своему... Я пришел туда, где единственно мои произведения и труды могут найти употребление, могут принести плод, туда, где единственно могут быть в цене и обороте мои товары, - я разумею Грамматику, Словари и другие переводы книг на язык славянский... Стало быть, скорее во всякой другой стороне мира предстояло мне быть бродягой и странником, а не в этом царстве” [45].

В качестве основополагающего ядра реформаторского плана Юрия Крижанича выступает разработанная им, говоря современным языком, оригинальная концепция рационального природопользования и развития горного дела в России. Воззрения и идеи ученого хорвата, положенные в ее основу, представляют интерес не только с позиций истории становления экономики природопользования как научной дисциплины, развития основных подходов к использованию минерального сырья, изучению природных условий и природных ресурсов страны, обоснования принципов практического природопользования и горного дела. Многие положения учения Крижанича не потеряли своего значения и сейчас; некоторые из них отчасти созвучны с известными принципами стратегии природопользования в России и развития российской экономики*.

Впрочем, вопрос о соотношении идей Юрия Крижанича и современных научных воззрений не является главным, по крайней мере, в настоящем исследовании; куда более важным представляется отношение между его идеями и идеями современного ему научного сообщества, то есть идеями его ближайших предшественников, современников и непосредственных преемников в истории науки**. Рассматривая научное творчество Крижанича с этой точки зрения, убеждаешься в том, что ничего подобного по своей целостности, внутренней согласованности и максимальному соответствию реалиям*** своего времени в области политики, экономики и практики природопользования предложено не было вплоть до середины XIX в. Можно сказать, что у истоков современных научных взглядов на практическое природопользование стоит личность Юрия Крижанича.

* См., например, *В.В. Путин* Минерально-сырьевые ресурсы в стратегии развития российской экономики // *Использование и охрана природных ресурсов России*, 2000, № 3.

** “История – это реализация возможностей в настоящем. Поэтому история – оживление прошлого, и отнюдь не метафорическое. Поскольку жизнь всегда протекает в горизонте современности, в настоящем, необходимо переселиться из нынешнего мира в мир предков и увидеть их не со стороны – как тех, чей путь завершен, а как бы в их становлении” (*Хосе Ортега-и-Гассет* Избранные труды: Пер. с исп. – М.: Весь Мир, 1997).

*** “Я не жалел труда, - говорил Крижанич, - чтоб получить познания в относящемся до Московии: ибо читал, которых только мог достать, писателей об этом... и собрал из них заметки. Не перестаю исследовать это и устными сношениями” [8].

В то же время научное наследие Крижанича, связанное с его идеями о роли природных условий и природных ресурсов в социально-экономическом развитии государства и общества, с его взглядами на экономику природопользования и организацию горного дела в России, крайне мало исследовано и совершенно не раскрыто в отечественной литературе.

В предлагаемом очерке автор, ни в коей мере не претендуя на однозначность своих выводов, и помня, что “тайна всякой индивидуальности узнается лишь любовью, и в ней всегда есть что-то непостижимое до конца, до последней глубины”*, попытался восполнить данный пробел.

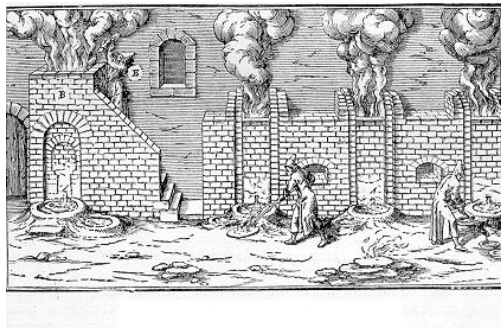
Удалось ли это сделать – судить читателю**.

* *Николай Бердяев* Русская идея // Вопросы философии, 1990, № 1.

** У читателя может сложиться представление, что автор увлекся предметом своего анализа, преувеличивает глубину воззрений Крижанича или, по крайней мере, слишком осовременил их. Быть может, так оно и есть. Однако, во-первых, автор разделяет точку зрения В. Ягича, что Юрий Крижанич во всем написанном открывал свои мысли, открывал свою душу. Во-вторых, как считал В.И. Вернадский, “история науки и ее прошлого должна критически составляться каждым научным поколением и не только потому, что меняются запасы наших знаний о прошлом, открываются новые документы или находят-ся новые приемы восстановления былого. Нет! Необходимо вновь научно перерабатывать историю науки, вновь исторически уходить в прошлое, потому что, благодаря развитию современного знания, в прошлом получает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неизбежно переоценивает старое, пережитое” [15]. Этими двумя предпосылками автор во многом и руководствовался при составлении очерка, стремясь не только оценить труды Юрия Крижанича, но и “открыть его мысли”, найти в них “отражение научных течений своего времени”.

Автор признателен Н.К. Дмитренко, Т.И. Нефеловой и С.К. Ускову за понимание, поддержку и помощь в издании работы.

О народном хозяйстве и об умножении государственной казны

Развитие народного хозяйства, умножение государственной казны и рост благосостояния народа - центральные идеи преобразовательной программы Юрия Крижанича, который по праву

считается автором первого полного плана давно назревших и необходимых, по его мнению, реформ в России [49]. Осуществление этой программы, полагает Крижанич, возможно при соблюдении следующих условий: ведущая, целенаправленная роль государственной власти, развитие народного образования и науки, определенные либеральные изменения в государственном управлении, совершенствование законов, жесткий контроль деятельности иностранных торговцев, всемерная поддержка отечественного производителя, активное освоение территории и природных ресурсов страны. Ее реализация, считает хорват, позволит построить в России государство, в котором главенствуют “хорошие” законы, а “все малы и велики живут вольны и беспечальны об своем животу и об благу, и где никому несть вольно обид и злодейства чинить” [34].

Хорошо известно, что в России главным действующим лицом всегда было государство; все зависело от его нужд и от его задач, все делалось для государства и ради государства. По образному выражению французского историка Ф. Броделя [13], в России государство стояло как утес среди моря; все замыкалось на его всемогуществе, на его усиленной полиции, на его самовластии как по отношению к городам, так и по отношению к консервативной православной церкви, или к массе крестьян, которые принадлежали прежде царю, а потом уже барину, или к самим боярам, в свою очередь принадлежавших царю. Российская история свидетельствует, что в нашей стране практически все перемены как революционного, так и контрреволюционного характера

всегда шли сверху, от государства, или, как подметил Н. Эйдельман [65], от сравнительно небольшой группы людей, стремящихся взять власть, т. е. “стать государством”.

Крижанич сумел понять данное своеобразие русской истории, эту российскую специфику, характерную не только для семнадцатого столетия. Отсюда его вера в реформаторские возможности русского самодержавия. Отсюда его приверженность к меркантилистской политике, основанной на умеренном протекционизме, поддержке торгового капитала, поощрении развития отечественной промышленности, стимулировании экспорта, но при сохранении и развитии импорта, контролируемого государством. Он, безусловно, искренне верил, что в Российском государстве реформы могут проводиться только “сверху”, только при целенаправленном участии государственной власти. Создается впечатление, что Крижанич пришел к парадоксальному выводу, что самая большая беда России, получившая позже название русского деспотизма, основанного на всеобщем рабстве, может быть – при определенном условии – обращена ей на пользу. Условие это – просвещенный государь, для которого сделать свой народ счастливым есть “честь, слава, долг и обязанность”, а намечаемые им прогрессивные изменения должны осуществляться эволюционным путем, а не “жестоким или мерзким путем”, без “людодерства” и кровопролития [34]*.

* Лучшим способом государственного правления Крижанич считал “совершенное, истинное самовладство или королевскую власть”, самое древнее, самое распространенное и самое крепкое правление, при котором легко исправлять ошибки и изъяны, вводить хорошие законы, поскольку все, что вправе приказать самовладец, исполняется без проволочки. “Истинное самовладство” он рассматривал как тот самый третий путь, когда “даны соразмеримые, подобающие и справедливые привилегии” всем сословиям, всему народу. Именно этот путь позволяет избежать “неумеренного правления” и обусловленных им двух крайностей – анархии и тирании. Крижанич противник и анархии, возникающей при “распущенном, своевольном, беспорядочном правлении”, и тирании (“мерзкого людодерства”), тиранство – наихудший способ правления, тиран – разбойник, людодерц. На Руси, - пишет он, - “хорошо известен и всему народу окаянно и горько памятен пример царя Ивана Васильевича (Грозного – Е.Я.). Ибо царь этот был не только жадным и беспощадным людодерцем, но и лютым, жестоким, безбожным мясником, кровопийцей и мучителем” [34]. Абсолютная власть должна основываться на незыблемом основании “правильных” законов, скрепленных присягой царя, который является “живым законом”. Говорят, правда, что дух Эзопа до сих пор блуждает в поисках человека, который не был бы тираном.

Таким образом, Крижанич, по сути, исходит из идеи просвещенной монархии (сторонниками которой были многие мыслители века гениев – Р. Бэкон, Гоббс, Декарт, Паскаль, Лейбниц) и решающей роли государства и государя в хозяйственной жизни страны, в поднятии благосостояния и культуры народа. Он считает, что именно “просвещенный государь” должен стать преобразователем всей общественной и экономической жизни народа – от промыслов, ремесел и торговли до бритья бород, стиля жилых построек, фасона шапок, домашнего быта, манер и новых нравственных понятий. Подобные взгляды были всегда широко распространены на Руси. Между прочим, крупнейший идеолог петровской эпохи видный религиозный и государственный деятель Феофан Прокопович также считал, что монарх может “законно повелевати народу не только все, что необходимо для пользы отечества, но и все, что ему не понравится, только бы народу не вредно”. Волей монарха можно вводить и “обряды гражданские, церковные, перемены обычаев, употребление платьев, домостроения, чины и церемонии в пиروваниях, свадьбах, погребениях и пр.” [50]. В общем, как удачно выразился Ф. Блюш [9], абсолютный монарх – отвечает абсолютно за все. Естественно, что подобная идеология позволяла планировать любые реформы, чем, судя по всему, и руководствовался Юрий Крижанич, работая над своей преобразовательной программой.

Курьезный случай вспоминает историк А.Е. Пресняков, который однажды был свидетелем того, как по “овражистым берегам Быстрой Сосны везли большой тяжести машину в сельскую экономию. Везли кони, и с ними билось на подъемах и тащило груз много народа. И народ спрашивал: «А кто ж нам кричать будет?»» [54]. Верно уловив эту ментальную особенность русского народа (как говорится, что есть, то есть), Крижанич справедливо полагает, что будет лучше, когда “кричит” просвещенный монарх, нежели малограмотный самозванец*.

Семнадцатое столетие ознаменовалось важнейшим событием в экономической жизни страны - образованием всероссийского рынка. Тем не менее русское купечество все еще не могло конкурировать на внутреннем рынке с иностранными компаниями, и поэтому оно стремилось упрочить на нем свое монопольное положение при помощи государства. Купцы в челобитных грамотах просили правительство

* “Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно” (А.С. Пушкин Полное собрание сочинений. Т. 7. – М.: Изд-во АН СССР, 1958).

установить протекционистские меры по защите отечественных интересов, что и нашло отражение сначала в “Торговой уставной грамоте” (1653 г.) и затем в “Новоторговом уставе” (1667 г.)*. Крижанич, понимавший эти особенности русского рынка, также видел их решение во вмешательстве государства, а что представляло собой государство в конце XVII в. – очень доходчиво разъяснил один его коронованный современник**.

Впрочем, оставим догадки о том, чем руководствовался Крижанич, разрабатывая свой реформаторский план и определяя пути его практического воплощения. В любом случае, единственно возможной и оправданной экономической политикой в тех российских реалиях (впрочем, как и западноевропейских) был меркантилизм, что и нашло выражение во взглядах Юрия Крижанича – тонкого политика и вдумчивого наблюдателя. В его сочинениях политика меркантилизма получила известное, хотя и своеобразное теоретическое обоснование, конечно, не лишенное характерных для меркантилизма иллюзий. Однако политико-экономические идеи Крижанича куда более всесторонни и всеобъемлющи, нежели идеи меркантилизма даже более позднего периода “торгового баланса” и “мануфактурной системы”. В его работах мы находим не только аргументацию в пользу меркантилистской политики, но и элементы экономического анализа и просто немало здравых практических рассуждений и предложений. Так, оправдывая развитие мануфактур, торговые излишки и протекционизм сравнительным величием государства, меркантилисты вынуждены были признать, что обогащение одной страны может осуществляться лишь за счет других. Юрий Крижанич, в принципе, противник обогащения государства за счет грабежа других народов и лишь в

* “Торговая уставная грамота” устанавливала более высокие торговые пошлины на иностранные товары. По “Новоторговому уставу”, подготовленного при деятельном участии А.М. Ордина-Нащокина, иностранным купцам разрешалось проводить в России только оптовые операции и лишь в определенных приграничных городах (Архангельске, Новгороде, Пскове) и только во время работы ярмарок. Для торговли за пределами этих городов требовалось специальное разрешение (грамота). Иноземные купцы должны были платить пошлину в размере 6% с продажной цены, а с предметов роскоши (например, вин) 15%.

** Французский историк Ф. Блюш, безусловно, во многом прав, сказав, что об идее монархии можно рассуждать только абстрактно, судить о королевской власти так же, как и о ее величии, можно только по той личности, которая ее воплощает [9].

исключительных случаях придерживается точки зрения меркантилистов. Он не только указывает на необходимость активного развития внешней торговли, но и много внимания уделяет поиску внутренних источников богатств, связанных с развитием производительных сил страны. Крижанич, например, считал, что разбогатеть драгоценными и прочими металлами Россия может не только в результате их экспорта, но и в результате поиска и освоения отечественных месторождений, особенно если воспользуется его планом развития горного дела. В Западной Европе политико-экономическая теория меркантилистов в существенной мере основывалась на принципе замены прямых налогов косвенными, т. е. на обложении потребления вместо капитала и труда. Крижанич, по сути, предлагает заменить все существующие тогда в Российском государстве поборы единым прямым налогом*.

Юрий Крижанич был одним из первых экономистов, у которого прослеживается мысль о так называемом человеческом капитале, являющимся одним из главных богатств страны и важным условием ее экономического развития; этот капитал надо уметь создавать, использовать, ценить и беречь. Через пятьдесят лет Иван Посошков, которого традиционно называют “первым русским экономистом”, наряду с понятием вещественного богатства будет говорить и о невещественном

* В середине XVII века в России все доходы государственной казны и налоги делились на “окладные”, по которым определялся заранее “оклад”, т. е. размер платежа целой группы налогоплательщиков, например по уезду, распределявшийся затем по дворам и отдельным плательщикам, и “неокладные”, по которым размер налогового платежа заранее не устанавливался. В окладные сборы входили как прямые, так и косвенные налоги. Косвенные налоги (таможенные, кабацкие, на соль и пр.) играли важнейшую роль в государственных финансах и составляли существенную часть доходов казны. Они были особенно обременительными для населения, часто являясь поводом для народных волнений (известный “соляной бунт” 1648 г. и др.). Существовали и так называемые “чрезвычайные налоги”. Суть российской налоговой политики того времени удачно выразил В.О. Ключевский: “Не зная, что делать, правительство прямо дурило в своих распоряжениях”. Московское правительство, подчеркивает наш историк, строило свое финансовое хозяйство исключительно на узкофискальном расчете, знало только казенную прибыль и не хотело иметь никакого понятия о народном хозяйстве; увеличивая налоги, оно не принимало никаких мер к усилению налогоспособности и народного труда, тогда как “возвышению налогов должен предшествовать подъем производительности народного труда, а для этого он должен быть направлен на новые доходные производства, на открытие и разработку втуне лежащих богатств страны” [32]. Юрий Крижанич прямо указывал на необходимость всестороннего развития хозяйства или общего устройства страны, т. е. “доходных промыслов”.

богатстве: “Паче вещественного богатства надлежит всем нам пещися о невещественном богатстве, то есть об истинной правде” [53]. “Истинная правда” – утопическая для того времени и условий мечта о благоприятном моральном климате жизни людей, хорошем управлении, личной безопасности, всеобщем доступе к грамотности и знанию. О необходимости “пещися” об этом пишет и Крижанич, одновременно предлагая конкретные и вполне осуществимые практические меры. Безусловно, в целом ряде высказанных им экономических идей, делающих ему честь как ученому-экономисту, он не только превзошел меркантилистов, но и опередил физиократов, учение которых стало особенно популярным во второй половине XVIII в. Судя по всему, именно Юрий Крижанич, независимо от своего младшего современника П. Буагильбера и последующих французских физиократов, впервые сформулировал их излюбленную аксиому: бедный народ – бедное государство, богатый народ – богатое государство.

Для нас особый и, пожалуй, наибольший интерес представляют практические идеи и конкретные предложения, содержащиеся в этом удивительно оригинальном плане экономического, культурного и – в определенной мере – политического развития России. Прежде всего, для Крижанича, последовательного сторонника крепкого и неделимого государства, усиление мощи последнего есть лишь необходимая ближайшая цель (в отличие, скажем, от точки зрения Петра Великого). Крижанич ратует за развитие торговли, рукодельных промыслов, земледелия, которые служат не только обогащению государственной казны, но и благоденствию народа [34]. В тех странах, утверждает он, где лишь одна казна богата, а вся страна убога, там скоро не станет силы; достоинство царя в большей степени зависит от богатства подданных, нежели от богатства казны. В России, пишет Крижанич, нигде не видно и не слышно ни о каком богатстве, кроме царской казны, а повсюду – “бедность и пустая нищета”*.

“Само понятие национального богатства, - отмечал К. Маркс, - прокрадывается у экономистов XVII века в таком виде – это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века, - что богатство создается только для государства и что мощь последнего зависит от этого богатства” (цит. по [50]). Например, Иван Посошков также исходил из примата “царственного богатства”. Он, в частности, писал, “все,

* В XVII в. русское простонародье обнищало до такой степени, что реальность, по выражению А.М. Панченко [48], стала походить на смеховой антимир.

что есть в народе богатства – богатство царственное, подобие и оскудение народное – оскудение царственное” [53]. Юрий Крижанич, как мы знаем, тверд и последователен в этом вопросе: для него богатство государства определяется прежде всего богатством народа (“богатый народ – богатое государство”). Более того, он убежден, что главной производительной силой страны и одновременно носителем национальной культуры является народ. Именно поэтому нужны усилия, прежде всего, государства, для всестороннего улучшения жизни людей, а главная задача государственной власти заключается в том, чтобы обеспечить своему народу “благочестие, справедливость, покой и изобилие или веру, суд, мир и дешевизну”, власть постоянно должна заботиться о чести народной и обо всем, что полезно для общего блага [34]. В свою очередь, улучшение жизни людей приведет к росту народонаселения: Крижанич справедливо считал, что малочисленность населения России – одна из существенных причин слабого освоения ее обширных территорий*.

Все сословия, по Крижаничу, должны обладать не только обязанностями перед государем и государством, но и “подобающими, умеренными и по справедливости положенными привилегиями и правами”. Например, возможностью добровольного объединения в профессиональные корпорации (цеховые товарищества, дружины) с демократическим выбором своих руководителей и судей для разбора “небольших взаимных тяжб”, правом обращаться к властям со своими нуждами, участвовать в народном сейме, который после смерти царя рассматривает и оценивает его деятельность и просит – при необходимости – нового правителя об исправлении законов, противоречащих народному благу. Населению страны должна быть предоставлена возможность получения образования; необходимо ввести полные имена и

* До середины XVIII в. среди европейских философов преобладало мнение, что большая численность населения и его быстрый рост – важный признак богатства и процветания государства. Меркантилисты, которые разрабатывали свои теории для государей, не без успеха уверяли их, что они тем могущественнее, чем больше у них подданных. Намного раньше меркантилистов эта точка зрения была высказана в Святом Писании, на авторитет которой в этом вопросе, кстати, ссылается Крижанич. Для России того времени увеличение численности населения действительно было одним из важных условий эффективного освоения ее огромных территорий. Так что подобная точка зрения Крижанича была не досужим теоретическим рассуждением, а отражением реальности, которую он вполне осознал, когда его везли три тысячи верст от Москвы до Тобольска. Например, в 1678 г. плотность населения Сибири оценивалась в 0,003 жителя на 1 км² [20].

благородные прозвания, отменить унижительные челобитья и принудительные работы, а также увеличить жалования государственным чиновникам и даровать им пенсии за выслугу лет и т. д. Крестьяне должны быть обеспечены свободой труда, а холопы, обучившиеся мастерству, требующему особых технических знаний, могут получать волю. Естественно, считает Крижанич, чем выше (в сословном положении или по чину) находится человек, тем больше у него прав. Однако наряду с этим возрастают и его обязанности перед государством и обществом, поскольку честь царских слуг – князей, бояр, дворян, властителей (чиновников) – это есть честь и достоинство короля. Гарантом соблюдения всех “дарованных привилегий и прав” выступает царь (“живой закон”). Определенный социальный консерватизм Крижанича (свойственный, впрочем, большинству мыслителей XVII в.) во многом объясняется тем, что сущность социальных отношений он усматривает не в господстве одних идей над другими, так сказать, не в господстве в области духа, а в практической жизни, господство это материальное, имущественное. Крижанич, таким образом, исходит из реально существующего фактического неравенства в обществе.

В принципе, пишет Крижанич, государственная казна может обогащаться различными способами и промыслами [34, 59]. Однако следует знать, что есть способы и промыслы “неправедные, нечестные, дурные и ложные”, которые ведут не к обогащению, а скорее к обнищанию страны и, соответственно, народа. Это, прежде всего, “нещадные поборы, жестокие порядки, монополии, кабацкие дела и всякое чрезмерное и немилосердное отягощение подданных”, заимствование в долг – под большие проценты – у иностранных торговцев, тщетные надежды на алхимию, чеканка негодных монет и т. п. Для умножения государственной казны следует пользоваться “справедливыми, честными и полезными” способами и промыслами, т. е. такими, “когда мы извлекаем всю пользу, которую можно получить от нашей земли и от соседних народов, разумными, богобоязненными или милосердными и хорошими средствами, а не глупым, жестоким или мерзким путем”; государственная казна должна пополняться по-божески и честно, без гнусной жадности, без лютых поборов, без невыносимого и бесчеловечного отягощения подданных. Всякий надежный доход, убежден Крижанич, должен быть основан на труде и поте, приумножаться постепенно и терпеливо, и принимать его следует справедливо и достойно; “большая прибыль требует больших трудов”. Самый верный путь к этому – всемерное развитие народного хозяйства страны.

Политическую стабильность и экономическое благосостояние государства (и, как сказали бы сейчас, национальную безопасность) обеспечивают: доходные промыслы (сельское хозяйство, ремесло, горное дело, торговля*), “хорошие и свободные [от разбойников] дороги”; “многолюдность” (“во множестве народа величие страны”), законопорядок (“сила державы – хорошие законы”), достоинство и богатство подданных (“богатый народ – богатая страна”, ведь только “от богатства подданных пополняется королевская казна”), сильная и надежная армия, крепкие рубежи, а также, конечно, “истинное самовладство”. Не забывает Крижанич и о международной политике, где приоритетами должны быть: союз с Польшей, сохранение мира со Швецией, создание союза всех славян для совместной борьбы против Османского владычества в Европе, развитие торговых и дипломатических отношений с Востоком (Средней Азией, Китаем, Индией, Персией), миролюбивая политика в Сибири по отношению к местному населению. Он обращает внимание на важность принятия закона о престолонаследии (государству необходим “твердый порядок замещения престола”) и о принципах выбора на престол (в случае, если царский род прекратится) соотечественника (Крижанич последовательный противник “чужевладства”), а также предлагает запретить так называемые наследственные приказы (начальников всех приказов назначает только царь).

Практическая ориентация Крижанича обращает его философский взор на многие реальные проблемы человеческого бытия, социальной, экономической и культурной жизни государства и общества. Он дает немало разумных практических указаний по развитию народного хозяйства и культуры страны, совершенствованию общественного и государственного устройства. Прежде всего, считает Крижанич, каждый человек должен делать какое-нибудь дело, которое не только позволит ему зарабатывать себе на хлеб, но и будет полезным для всех людей, а “дело, которое кто-либо делает для общего блага и с помощью которого зарабатывает или заслуживает свой хлеб, называется

* Сельское хозяйство, торговля, горное дело – отрасли народного хозяйства, которые особенно будут интересовать М.В. Ломоносова и которым он – наряду с решением проблемы народонаселения – отведет главную роль в экономическом развитии России [39].

«обязанностью» [34]*. Он пишет о необходимости освоения новых ресурсов и материалов, об устройстве предприятий, о введении новых орудий труда, о совершенствовании войск и вооружения, об открытии торговых пунктов в России и представительства в других странах, о заимствовании европейских форм кредита, о создании торговыми людьми банков, принимающих от населения деньги на «хранение», об отмене (за редким исключением) монополий и откупов, о введении единой системы весов и мер, о создании «мерных» стандартов и статистического ведомства, о судебной реформе, о возможности чеканить монету только с царского повеления, о введении «правильного вида» монет, о запрещении «негодных» денег и разрешении хождения в стране иноземной золотой и серебряной монеты, о создании дорожной службы, о развитии почты в интересах торговых людей, об обязанностях торговцев всегда держать в лавках «повседневные нужные товары»**, о строительстве удобных крестьянских домов, о создании музыкальных школ, о дозволении брака между представителями разных сословий, о проведении состязаний в стрельбе из лука и др. Крижанич ставит вопрос об эстетическом воспитании людей: «орудия и посуду надо делать красивыми на вид». Объединения ремесленников должны организовать специальный контроль качества продаваемых товаров и «если что нечисто, дурно или некрасиво сделано» то «пусть разберутся и научат, как это можно было бы сделать лучше».

Как известно, многими вопросами семейного быта на Руси долгое время «ведал» известный «Домострой», который, в частности, рекомендует «мужьям воспитывать жен своих с любовью примерным наставлением» как вести домашнее хозяйство и т. п. [28], чем мужья – каждый в силу своих возможностей и своего понимания данной проблемы – веками и занимались на Руси. Юрий Крижанич предлагает более эффективный, по его мнению, путь: создание (на средства

* Если кто из простых людей на военной службе покажет себя достойным, овладеет воинскими науками, то, предлагает Крижанич, наверх «путь ему не закрыт, и король сделает его сперва полковником или воеводой, затем боярином, а затем и военным баном» [34]. В 1682 г., при царе Федоре Алексеевиче, была осуществлена столь необходимая для русского общества реформа, связанная с отменой местничества, вследствие которой «для лучшего ратей устройства и управления» старый порядок был уничтожен и «отныне всем быть без места». Это открывало новые возможности перед «худородными», но талантливыми людьми.

** Здесь читатели старшего поколения должны вспомнить о существовавших в свое время в СССР магазинах, называвшихся «Товары повседневного спроса».

городов) общественных школ, в которых девушки (до замужества) будут обучаться домашнему ремеслу. Окончившие такие училища должны получать специальные свидетельства, в которых говорится об их успехах в освоении искусства ведения домашнего хозяйства.

Крижанич обращает внимание на важность этнографических исследований, считая, что каждый политик, каждый королевский советник “должен прежде всего познать природные качества своего народа, то есть [его] природный нрав, таланты и недостатки, достоинства и пороки... Он должен оценить, и сравнить, и сопоставить обличье, склад, одежду, нравы и богатство иных народов и нашего народа” [34]. Между прочим, оценка, сравнение и сопоставление “богатства различных народов” сейчас являются составной частью курса “Экономика зарубежных стран”, который читается студентам экономических факультетов многих российских университетов и других высших учебных заведений.

Свою реформаторскую программу Крижанич развивает не только как убежденный поборник интересов славянских народов, но и с точки зрения образованного европейца, творчески мыслящего ученого и христианина. Именно поэтому он не мог не осудить наблюдаемые им в России неурядицы, неполадки и даже дикости, что много лет спустя вызовет, мягко говоря, раздражение у некоторых историков. Но, безусловно, Крижанич всей душой более за описываемые им недостатки государства Российского и славянского мира, причем, по словам В.О. Ключевского, он “не только плачется, а и размышляет, предлагает средства для исцеления оплакиваемых недугов. Эти средства разработаны у него в целую преобразовательную программу, которая получает для нас значение более важное, чем какое могли бы иметь досужие размышления славянского пришельца, посетившего Москву в XVII в.” [32].

Конечно, Крижаничева преобразовательная программа (впрочем, как и любая из когда-либо существовавших) не свободна от недостатков и неясностей, она содержит противоречия и элементы утопизма. Однако все это ни в коей мере не принижает ее достоинств. Как писал В.О. Ключевский, “читая преобразовательную программу Крижанича, невольно воскликнешь: да это программа Петра Великого, даже с ее недостатками и противоречиями, с ее идиллической верой в творческую силу указа, в возможность распространить образование и торговлю посредством переводной немецкой книжки о торговле или посредством временного закрытия лавочки у купца, не выучившегося арифметике. Однако именно эти противоречия и это сходство придают осо-

бый интерес суждениям Крижанича. Он единственный в своем роде пришлый наблюдатель русской жизни, непохожий на множество иноземцев, случайно попавших в Москву и записавших свои тамошние впечатления. Последние смотрели на явления этой жизни, как на курьезные странности некультурного народа, занимательные для праздного любопытства – не более того. Крижанич был в России и чужой и свой: чужой по происхождению и воспитанию, свой по племенным симпатиям и политическим упованиям. Он ехал в Москву не просто наблюдать, а проповедовать, пропагандировать всеславянскую идею и звать на борьбу за нее” [32].

Именно в этой программе Крижанич показал, что всемерное развитие ремесел и промыслов, способствующих обогащению государственной казны и благоденствию народа, должно основываться на учете природных условий, на активном использовании природных богатств страны и на умении их сохранять, что нашло отражение в разработанном им учении о рациональном природопользовании и развитии горного дела в России. На этом учение, по сути, и основывается его реформаторский план, что, в свою очередь, заметно отличает Крижаничеву концепцию экономического и культурного развития государства не только от современных ему политико-экономических теорий, но и от появившихся значительно позже, в XVIII в. и даже в XIX в., более того, основные положения этого учения сохранили свое практическое значение и сейчас.

Razgówori ob Władatelystwie.
Predgóworie.
W' nich knyżigach iesut pretobmauceni razgówori, nauki, i opimunki

О народном образовании и науке

В своем плане преобразования России народному образованию и науке Юрий Крижанич отводит одно из центральных мест, поскольку убежден, что без соответствующего

уровня развития научных знаний и при отсутствии грамотных специалистов трудно достичь каких-либо успехов в экономике. По его мнению, многие европейские страны богаче потому, что народ там более образованный*. Наш же народ, считает Крижанич, занимает середину между “дикими” и “человечными” (цивилизованными) народами. Тем не менее ученый хорват, оставляя в стороне национальные особенности, свойственные каждому народу (этнопсихологический склад, по Л.Н. Гумилеву), сводит остальные различия между русскими и иностранцами, по словам Н.П. Милюкова [42], к одному – к степени знания и умения. Однако эти пороки (недостаток знаний и умения) излечиваются временем: ведь остальные народы не за день и не за год, а постепенно учились “мудрости” друг у друга. Так и “мы тоже можем научиться, если приложим желание и старание” [34]. Ведь человеку от рождения даны два дара: “разум, - чтобы он мог научиться мудрости, и руки, - чтобы мог делать мудреные или искусные вещи”. Тем более, подчеркивает он, Святое Писание полно похвал мудрости, которую оно всячески славит и превозносит, поэтому овладение знаниями есть богоугодное дело.

По справедливому замечанию С.М. Соловьева [61], Юрий Крижанич одним из первых на Руси громко провозгласил необходимость науки, которая, считает ученый хорват, должна прямо служить общественной пользе и содействовать улучшению жизни людей, а не

* Петр Первый также просто и ясно объяснял причину российского отставания: “Западная Европа раньше нас усвоила науки древнего мира, и потому нас опередила, мы догоним ее, когда в свою очередь усвоим эти науки” [65].

заниматься бесплодными схоластическими измышлениями, “ибо философия (или книжная умственная мудрость) создана Богом недаром, а чтобы быть полезной людям”*. Поэтому “именно сейчас пришло время нашему народу учиться наукам, ... нам надо учиться и надеяться, что... мы сможем стереть плесень древней дикости, научиться наукам, завести более похвальные отношения [между людьми] и достичь более счастливого состояния” [34]. Государство под мудрым управлением “благочестивого царя и великого государя Алексея Михайловича” должно приложить к этому все необходимые усилия**.

Однако в России, - пишет Крижанич, - “нет никаких книг о земледелии и об иных промыслах, какие есть у других народов”, тогда как целенаправленное изучение природы страны требует привлечения квалифицированных специалистов. Именно поэтому надо как можно скорее перевести на русский язык необходимые книги или части их (некоторые из книг он называет), где написано о сельском хозяйстве, о растениях, о живности, о камнях, рудах, минералах и т. д. [34]. Действительно, имеется очень мало данных о существовании в XVII в. каких-либо русских руководств, например, по горному делу и металлургии, а русские техники, как указывал Т. Райнов, в большей своей части были тогда неграмотными [56]. Подавляющее большинство печатавшихся в то время в стране книг составляли разнообразные “душеполезные” произведения [60]. Особенно незаменима “мудрость”, подчеркивает Крижанич, для правителей. В России же, по его словам, не только простой люд, но даже “здешние государевы думники” политических и философских книг “не ведают”. “Книжному знанию”

* Р. Декарт (как, например, и Ф. Бэкон) противопоставлял умозрительной бесплодности школьной (схоластической) философии такую “практическую философию”, с помощью которой, зная законы природы, можно использовать их в практических целях и “стать, таким образом, как бы господами и владетелями природы” [26].

** Крижанич практически ничего не говорит о трудно разрешимой дилемме: для обогащения страны нужно просвещение, а просвещение немислимо без предварительного обогащения. Через двести лет эту же дилемму пытался разрешить Д.И. Менделеев, который считал, что с “точки зрения реализма нет безвыходных понятий подобного рода, везде можно найти свой... выход, пригодный стране, времени и обстоятельствам”. Этот выход он видел в протекционизме - “первого и испытанного средства для умножения общих народных достатков, из которых и собираются государственные средства, необходимые для удовлетворения... народных потребностей, подобных просвещению...” [41]. Крижанич также надеется на эффективность протекционизма в разрешении данной дилеммы.

Крижанич отводит очень важную роль и в развитии общества, и особенно в управлении государством. Он считает, что для правителя книги (в отличие от людей) - самые лучшие и верные друзья, поскольку ими (книгами) не движет ни алчность, ни ненависть, ни любовь, книги не льстят и не боятся поведать истину. Хорват не одинок в своем мнении, и в те времена Москве и на Руси было немало книголюбцев и книголюбов. Симеон Полоцкий в одном из своих сочинений спрашивал: “Кто есть царь и кто тиран, хочешь ли знати?”, и отвечал: “Аристотеля книги потщися читати” [30]. Читающий книги, согласно наставлениям Измарагда (этот сборник считался “книгой жизни”), “обновляется, и просвещается, и спасается” [48]. Справедливости ради, вспомним слова Р. Эмерсона [67]: “Книги, если уметь ими пользоваться, - лучшее, что есть на земле; если же пользоваться ими неправильно, они могут быть причислены к самому худшему”.

Крижанич предлагает своим читателям “классификацию мудрости” (т. е. классификацию знания, наук)*. Мудростью он называет знание наиважнейших и наивысших вещей: “о Боге, о небе, о земле, о человеческих нравах, о законопорядке и обо всяких великих..., премного важных и необходимых вещах” [34], т. е., по сути, мудрость – это сумма знаний об окружающем мире, о человеческом обществе, о правилах управления государством, о духовном мире человека**. Знание, по Крижаничу, – это понимание, объяснение причины вещей (т. е. того, от чего или из-за чего что-либо происходит), и знать – это значит понять причины вещей; “рачитель мудрости” через причины познает следствия (то, что происходит от причины или из-за нее); кто не знает причин, не знает и самой вещи***. Причины, по Крижаничу, могут быть высшие (духовные) и низшие (мирские) [45]. Высшие причины составляют предмет богословия; низшие (земные) причины изучаются мирской мудростью (т. е. “светской наукой”). Отсюда следует, что понимать причины вещей можно с позиций мирской мудрости,

* В оригинальном тексте “Политики” Крижанич использует слово “mudróst”, что может означать “наука”, “мудрость”, “знание”. Встречаются также “umitel”, “umitelj”, “umitelnosti, которые имеют несколько смысловых оттенков: знание, наука, искусство, умение [27].

** Декарт, как известно, под мудростью понимал “совершенное знание всего того, что может познать человек” [26].

*** “Нет действия в природе без причины; постигни причину, и тебе не нужен опыт» (Леонардо да Винчи Суждения о науке и искусстве. – СПб.: Азбука, 1998).

но можно и с позиций мудрости духовной, поэтому следует различать духовное знание (богословие) и мирское знание (науку). Главная задача науки – это познание окружающего мира в его причинных связях; “невежество порождает ереси, мудрость их искореняет” [34]. Таким образом, Крижанич имеет представление об всеобщности научных истин. У него также прослеживается мысль, что человек осознает ограничение своей умственной силы и свое невежество, т. е. Крижанич понимает относительность научного знания. Его представление о том, что “тело наше состоит из четырех первоначальных вещей - то есть из земли, воды, воздуха и огня” [34], в определенной мере является отражением четырех стихий Аристотеля, однако, как подчеркивает Крижанич, соответствующие им начала - сухость, влажность, тепло и холод - противоположны и находятся в состоянии постоянной борьбы (“все они враждебны между собой и пагубны друг для друга”), “они не могут (не изменяясь - Е.Я.) пребывать в мире, и соединение их не может быть прочным”, поэтому “все вещи на свете подобны луне: то - растут, то - идут на убыль” [34]. Итак, по Крижаничу, во-первых, сотворены (“первосотворны”) только элементы (“начала” мира), а не сама природа. Во-вторых, эти “начала”, соединяясь по своим законам, образуют все многообразие окружающего мира, который находится в непрерывном движении и изменении, причины которых могут быть как высшие (духовные), так и низшие (мирские). Таким образом, можно, видимо, согласиться с мнением*, что мировоззренческая концепция Крижанича в определенной степени приближается к деизму, получившему наивысшее развитие в первой половине XVIII в.

Тем не менее мировоззренческие построения Крижанича в существенной мере еще базируются на положениях, выработанных поздней средневековой схоластикой, в основе которой лежит трансформированное аристотелевское понимание науки, знания, познания. Употребляемая им для обозначения некоторых философских категорий терминология в основном также была сформирована средневековой схоластикой. Здесь, видимо, сказывается иезуитское образование Крижанича. Он, например, развивает теорию причинности, разработанную Аристотелем и признанную официальной философией, а

* См., например, *Л.М. Мордухович* Философские и социологические взгляды Крижанича // Краткие сообщения Института Славяноведения, 1963, № 36.

так называемые высшие и низшие причины, которыми оперирует Крижанич, близки “первопричине” и “вторичным причинам” Фомы Аквинского. Аквинат (вслед за Иоанном Дамаскиным) писал также и о том, что природные начала, обладая противоположными свойствами, совместно комбинируются в природных процессах*.

Крижанича традиционно относят к сторонникам провиденциализма, поскольку идея Промысла, который, по мнению хорвата, “есть начало всех вещей, первая и господствующая причина, располагающая и управляющая всеми человеческими вещами”, который “все устроит и все определяет” [45], играет важную роль в его миропонимании. Особенно ясно провиденциализм проявляется в его понимании истории. В то же время он допускает возможность воздействия людей на некоторые стороны исторического процесса. В частности, история народов рассматривалась им как единый процесс, где одни народы теряют свое значение в общем историческом процессе, другие, наоборот, возвышаются. Он также развивает теорию о циклическом развитии государств, когда каждое государство проходит периоды становления, “младости”, расцвета и заката, что было шагом вперед в развитии исторической мысли**.

“Мирская мудрость”, изучающая реальную действительность, является, считает Крижанич, по сути одинаково научной как у язычников, так и у христиан. Он, таким образом, понимает интернациональность, единство науки, которая, по словам В.И. Вернадского [14], “по существу едина и одинакова для всех времен, социальных сред и государственных образований”. Более того, Крижанич отмечает кумулятивный характер научных знаний и особо подчеркивает, что мирская мудрость “переходит от народа к народу”***.

У Крижанича имеется также суждение о том, что научное мышление представляет собой обработку полученных эмпирических знаний, т. е. их обобщение. Он, например, так определяет процесс

* См. *Фома Аквинский* Доказательства бытия Бога в “Сумме против язычников” и “Сумме теологии”. Составление, введение и комментарии Х. Зайдля: Пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 2000.

** Идеи Крижанича о рождении, становлении и угасании народов (этносов) и о цикличности мировой истории получили достойное развитие в работах Л.Н. Гумилева (см. *Л.Н. Гумилев* Конец и вновь начало. – М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994).

*** Мысль, как заметил В.О. Ключевский, близкая к той, что высказывали потом о круговороте наук Г.В. Лейбниц и Петр Великий.

научного исследования: “мудрствовать” – это “не что иное, как думать о причинах всяких вещей и выяснять, отчего, из чего, каким образом и для чего происходит то или это” [34].

Мирскую мудрость (науку) Крижанич делит на философию, математику и механику [24, 34].

Механика (“рукоделие и промысел”) включает в себя рукодельное ремесло, земледелие (“тежачество”, т. е. природопользование в широком значении этого слова) и торговлю.

Математика (“дивное учение”) объединяет музыку (“искусство музыкальной игры”), арифметику (“искусство счета”), геометрию (“землемерие”) и астрономию (“звездочетство”).

Философия состоит из логики, физики и этики.

Логика (наука о беседах, “беседное учение”) включает грамматику (“говорная уметель”), диалектику (“преговоральная уметель”), риторику (“беседная уметель”) и поэтику (“песенная уметель”).

Физика - это “врачевание” (медицина) и “изучение разных тел: руд, камней, деревьев, трав, животных и всех прочих видимых вещей” (т. е. естествознание).

Этика (наука о нравственности, об обществе и личности) включает идиоэтику (“осебуйное учение”, т. е. учение о личности и о личной нравственности), экономию (“господарство”, или науку о хозяйстве) и политику (“людоправное учение”, или науку об управлении народом и королевскую мудрость, которая учит “справедливо, славно и достойно управлять народами, городами и странами”).

“Вышеуказанное разделение наук, - пишет Крижанич, - может быть изображено в виде рисунка”, что автор этих строк и попытался сделать (рис. 1).

Считается, что предложенная Крижаничем классификация наук несет на себе следы схоластики. Действительно, он в определенной степени копирует существующее в средневековое время деление наук, основанное, как уже говорилось, на аристотелевской систематизации знаний, приспособленной к условиям средневековья Иоанном Дамаскином, система наук которого стала наиболее распространенной в то время. Дамаскин различал “практическую” и “теоретическую” философию. Последняя, в свою очередь, разделялась на богословие (познание духовного), физиологию (познание материального) и математику (познание того, что нематериально, но раскрывается в материальном), а практическая философия – на этику (учение о поведении личности), экономию (учение о жизни семьи) и политику (учение об управлении государством) [24].

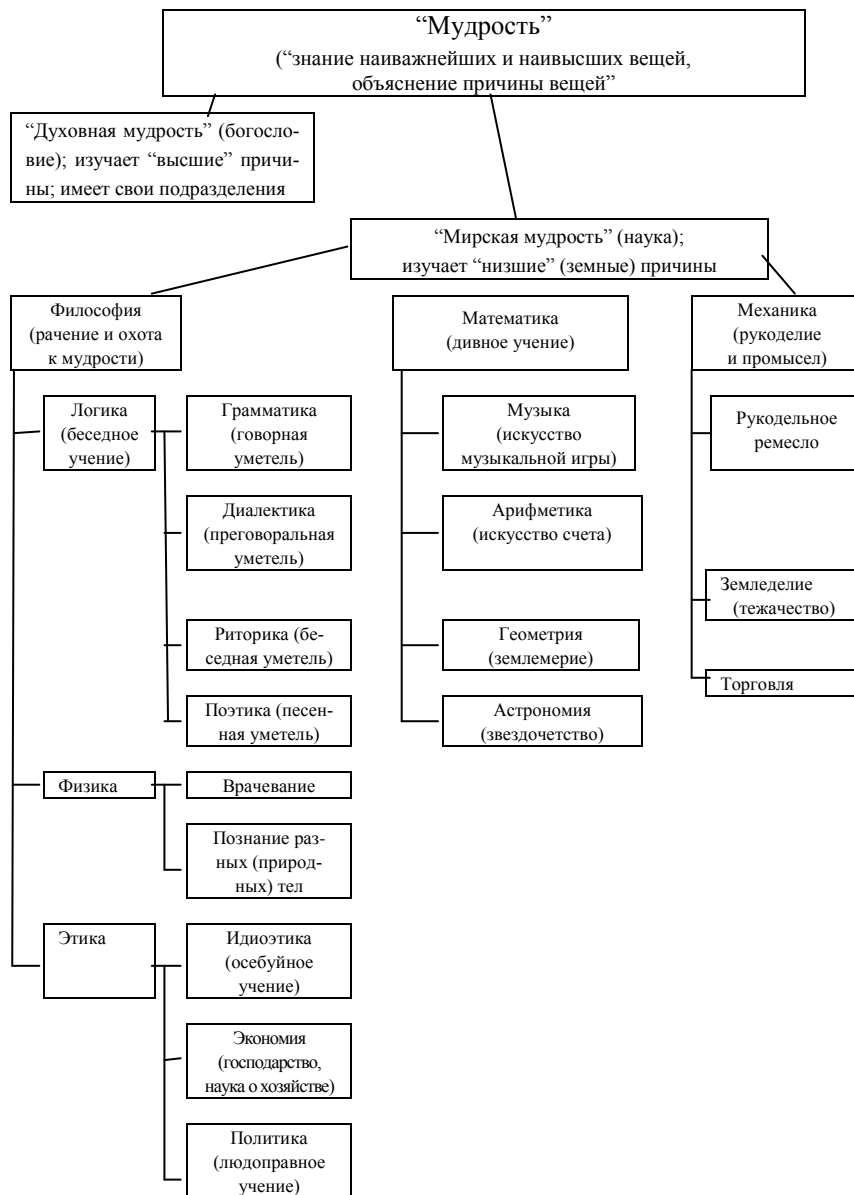

Рис. 1. Разделение наук по Юрию Крижаничу.

Несмотря на то, что в схеме наук Иоанна Дамаскина философия уже начинает доминировать над остальными науками, на первое место в ней все же поставлено богословие. Фома Аквинский, трансформируя аристотелевские идеи о познании, выделил три иерархически соподчиненных типа мудрости: мудрость Благодати, мудрость богословская, мудрость метафизическая. Высшей наукой у Аквината, так же как и у Иоанна Дамаскина, является теология, которая прибегает к помощи других наук как служебных в отношении нее.

Схема наук, предложенная Крижаничем, уже в значительной степени наполнена новым содержанием; это, прежде всего, схема разделения “мирского знания”, которое представлено разветвленным и многообразным, включающим, по крайней мере, шестнадцать отдельных научных дисциплин, достаточно четко разделенных по предметам своего исследования, но, в то же время, составляющих единую систему научного знания. В ней “мирская мудрость” (светская наука) отделена от “духовной мудрости” (богословия), которая основана на вере в особый характер религиозных истин, на представлениях о них как о божественных откровениях*.

Существует также точка зрения, что классификация наук Крижанича близка к схеме наук Декарта**. Однако Декарт разработал классификацию “подлинной философии”, которая, как считал он, подобна дереву, корнем которого является метафизика (“истинные начала материальных вещей”), далее следует ствол дерева - физика, объясняющая как образовался мир, какова природа Земли и т. д., а затем уже - ветви, т. е. все прочие науки, занимающиеся исследованием природы растений, животных и человека, которые сводятся к трем главным: медицине, механике и этике [26]. Как мы уже знаем, схема науки Крижанича - это классификация “мирского знания”, а объясне-

* Безусловно, Крижанич, искренне верующий человек, не отрицает теологии, составляющей единый комплекс с религией и полностью оправдываемый социальной жизнью. Однако в условиях XVII в. позиции церкви в духовной жизни общества были достаточно сильны, поэтому разграничение областей знания и веры обеспечивало относительную свободу научным исследованиям, что, судя по всему, и преследовал Крижанич. Можно сказать, что роль богословия у него ограничена чисто религиозной функцией; оно имеет свой предмет, свои законы, свои подразделения, которые в данный момент (при рассмотрении мирского знания) для него не представляют интереса (“о коих мы здесь умолчим”, подчеркивает он).

** См. *Л.М. Мордухович* Философские и социологические взгляды Крижанича // Краткие сообщения Института Славяноведения, 1963, № 36.

нием “истинных начал материальных вещей” занимается богословие, которое из этой схемы им сознательно вынесено, поскольку не вписывается в мирское знание. Правда, следует сказать, что Декарт не особенно увлекался объяснением истинных начал вещей.

Оригинальны рассуждения Крижанича о сущности философии, которую он относит к мирским наукам, что для того времени было определенным новаторством (философия - уже не “служанка богословия”). Его современник, знаменитый Бенедикт Спиноза, несколько позже напишет, что “между верой, или богословием, и философией нет никакой связи или никакого родства; этого теперь никто не может не увидеть, кто узнал и цель и основания этих двух сил, различающихся, конечно, во всех смыслах. Ведь цель философии есть только истина, веры же... только повинование и благочестие”*. Юрий Крижанич смог увидеть и узнать “цель и основания этих двух сил”. Он также отвергает понимание философии как “удивительного искусства” познания таинственного мира. Для него философия - это “забота о мудрости и желание мудрости”, а философ - “рачитель мудрости”, который через причины познает следствия. Более того, философия - “это не особое искусство или наука, а скорее тщательная и обдуманная рассудительность или опытность в суждении о всех вещах”, каждому конкретному человеку присущи свои собственные “обдуманная рассудительность или опытность”; всякий разумный человек - философ. “Философия, - пишет Крижанич, - это некое умелое и упорядоченное рассмотрение вещей, на основе которого можно правильно судить о житейских делах. Так вот я выражаю свою признательность философии за то, что она меня научила более или менее правильно различать причины человеческих дел и на основании этих причин выносить правильное суждение о вещах” (Исторический архив, 1958, № 1)**.

* *Бенедикт Спиноза* Богословско-политический трактат: Пер. с лат.-Минск: Литература, 1998.

** Для Т. Гоббса философия - это система рационалистических действий познающего ума, который, с одной стороны, от известных уже причин идет к объяснению действий, явлений, а с другой, отправляясь от тех или иных явлений, восходит к производящим их основаниям. В.И. Вернадский считал, что “философия... основана на разуме и... связана с личностью. Типы личности всегда отвечают разным типам философии... Философия никогда не решает загадки мира. Она их ищет... Философская истина всегда может быть подвергнута сомнению свободной ищущей личностью”. Философом можно быть “без всякой ученой подготовки, надо только глубоко и самостоятельно размышлять обо всем окружающем...” [14].

Такое понимание философии отличалось от ее трактовки, например, Декартом, считавшим, что философия - это “совершенное знание”, а его “подлинная философия” - это своего рода высшая наука [26].

Но главное, пожалуй, в том, что Юрий Крижанич разработал свою классификацию наук не для западноевропейских университетских докторов* (он сам, как мы знаем, был магистром философии и доктором богословия), а для государя, подавляющая часть подданных которого, по резкому выражению С.М. Соловьева [61], была “нравственными недоносками”, для самодержца, в стране которого отсутствовало даже начальное образование**. Сильвестр Медведев в начале 1680-х гг. признавался, что Русь – земля без мудрецов, познавших “семь свободных художеств”, без правильного образования, без света наук; это земля, невежественные обитатели которой “шествуют во тьме” [48]. Конечно, определенное распространение в России тогда получили домашнее образование и начальные школы, когда дети (главным образом, мальчики***) обучались грамоте, основам право-

* Во Франции, давшей миру ту абсолютную монархию, которой в те времена восхищаются французы и которой пытаются подражать все короли Европы, уже в 1660-х гг. создаются различные институты – научные, литературные, художественные, музыкальные, театральные; есть королевская библиотека; в 1665 г. начинает выходить “Газета ученых”; существует народное образование [9]. К этому, правда, надо добавить, что в 1670 г. во Франции королевским эдиктом был утвержден перечень и порядок применения пыток, а в приказах Людовика XIV встречаются имена знатнейших современников, приговоренных к публичному телесному наказанию.

** Тогдашнее отношение к наукам, учености и к образованию ясно сформулировал современник Крижанич - гениальный для того времени писатель и убежденный обскурант - протопоп Аввакум, выговаривая своей духовной сестре: “Евдокея,... почто гордаго беса не отринешь от себя? Высокие науки исчешь, от нея же падают Богом неокормлени, яко листвие. Что успе Платону и Пифагору и Демостену со Аристотелем? Коловратное течение тварное разумевше, от ада не избывше. Дурька, дурька...! На что тебе, вороне, высокие хоромы? Граматику и риторику Васильев, и Златоустов, и Афанасьев разум обдержал. К тому же и диалектик, и философию, и что потребно, - то в церковь взяли, а что непотребно, - то под гору лопатою сбросили. ... Ай, девка! Нет, полно, меня при тебе близко, я бы тебе оципал волосье за граматику ту...” [29]. Ритор и философ, утверждал протопоп, не может быть христианином. Резкое неприятие философии, наук, светского образования, презрительное отношение к естествоиспытателям было характерно для многих духовных лидеров того времени.

*** Грамотных женщин на Руси в то время было очень немного; практически все они – из царского дома и высшего сословия.

славного вероучения, иногда иностранным языкам и основам математики. Однако учебных заведений типа средних школ (а тем более, университетов), за редким исключением, не было. Лишь в конце 1650-х гг. Ф.М. Ртищевым уже по европейским образцам была создана школа при Андреевском монастыре недалеко от Москвы, близ Воробьевых гор. В 1664 г. Симеон Полоцкий открыл школу в Заиконоспасском монастыре (на средства Посольского приказа; эту школу некоторые историки иногда громко называют государственной). Он же был в этой школе и единственным учителем. Здесь учились Сильвестр Медведев и еще два (! - Е.Я.) ученика. Известна также школа Чудова монастыря, созданная на средства патриаршего дома. Вот, пожалуй, и все успехи на ниве среднего и высшего образования.

Тем не менее именно в это время “экономическая и нравственная несостоятельность общества были признаны; народ, живой и крепкий, рвался из пеленок, в которых судьба держала его долее чем следовало” [61]. Оставалось чуть больше двух десятилетий до английской революции, ознаменовавшей начало в Европе Века Просвещения. На Руси приближалось время реформ, осуществленных во время правления царя Федора Алексеевича; в целом процент грамотных людей по стране, хотя и медленно, увеличивался. Крижанич, как бы предчувствуя это, счел необходимым коснуться мирского знания и рассказать о его уже достаточно сложной структуре*.

По мнению М.Н. Громова [24], классификация наук Юрия Крижанича как бы подводит итог развитию мысли в условиях средневекового общества и представляет собой переходную форму организации знания, стремившегося в своей тенденции к созданию секуляризованной и дифференцированной науки нового времени, а также отражает наметившиеся на Руси тенденции к систематизации эмпирических знаний и к размежеванию между теологией и философией. Следует помнить, что свою классификацию Крижанич разработал в то время, когда наука в России, по выражению Н.А. Бердяева, вызывала подозрение как “латинство”.

* Астрологию, алхимию, магию и кабалистику Крижанич однозначно относил к “проклятым бесовским искусствам”, в коих нет ничего иного, кроме чародейства. (“Что касается... ложных учений, то я... знал им цену, чтобы не быть обманутым ни обещаниями алхимика, ни предсказаниями астролога, ни проделками мага, ни ухищрениями... кого-либо из людей, выдающих себя за знатоков того, чего на самом деле не знают”, *Рене Декарт* Разыскание истины. – СПб.: Азбука, 2000.)

Как уже говорилось, Юрий Крижанич занимает достойное место в истории языковедения. Так, он, вслед за Максимом Греком, был одним из первых иностранцев, начавших научное изучение русского языка, и, по сути дела, стоит у истоков возникновения славистики и славянского языкознания. Крижанич создал два замечательных грамматических сочинения, первое из которых - "Объяснение виводно о письме словенском" - посвящено в основном вопросам фонетики славянских языков и сравнению русского языка с другими славянскими языками. Оно справедливо рассматривается как серьезный лингвистический труд, стоящий на уровне европейской науки того времени и не потерявший своего историко-лингвистического значения в настоящее время. Второе сочинение - "Граматично исказание об Руском езику" - излагает вопросы морфологии изобретенного им "всесловенского" языка и является первым в Европе трудом по сравнительной славянской грамматике.

Справедлива оценка Крижаничем церковно-славянского языка*: "письмо наше... столь грубо и неправильно, что... неудобно для изучения наук", поэтому "наши люди, которые хотят изучить... какие-либо науки, должны... научиться какому-либо иному языку и письму" [34]. Это понял Петр I, и, после языковой реформы, "нашим людям" в конце концов пришлось "научиться" писать научные труды на русском литературном языке.

Заслуживает также внимания попытка Крижанича создать научную терминологию без использования иностранных слов: "мы, - писал он, - не имеем названий (на родном языке - Е.Я.) для искусств и наук, для приказов и вещей военных, для городских приказов, для добродетелей и пороков". В то же время, "обилие слов и легкость произношения очень помогают созданию мудрых планов и более удачному осуществлению разных мирских и ратных дел", "ибо чего мы не можем назвать словами, того мы не можем и придумать, как следует" [34]. Он высказал вполне современные суждения о терминологии и принципах построения терминов. Прежде всего, Крижанич прав, утверждая, что "у большинства народов названия вещей со вре-

* Одной из особенностей культурной обстановки средневековья, в том числе на Руси, являлось двуязычие (билингвизм), т. е. наличие книжно-литературного языка (обычно являющегося официальным языком церкви), противопоставленного родному языку народа и, как правило, мало понятного для него. В России до петровских реформ на "живом русском" разговаривали с детства, а читать и писать учились по-церковнославянски.

менем изменяются”, именно поэтому необходимо, чтобы “разумный король держал у себя исправителя языка”. Он рекомендует приказным не пользоваться в делах и в грамотах чужеземными словами или выражениями, не свойственными русскому языку. Для военных вещей, - считает Крижанич, - вообще надо “было бы изобрести свои собственные подобающие выражения, ибо ловкость и храбрость воинов возрастает, если на своем, а не на чужом языке говорят о военных вещах”. Более того, следует “запретить во всем царстве употреблять иноязычные слова в приказных (военных – Е.Я.) бумагах, челобитьях, в лагерьях, в строю и под знаменами”. Но Юрия Крижанича вряд ли можно называть идейным пуристом. Как и при разрешении многих других проблем, он разумен и достаточно рационален: “то, что мы никак не можем назвать по-своему, надо по необходимости занять у соседей” [34].

Интересно отметить, что Юрий Крижанич образовал немало своих собственных слов, которые встречаются в его произведениях. Некоторые из них явно неудачные, другие вполне приемлемы и понятны без необходимых определений, многие остроумны или просто любопытны. Вот некоторые примеры: глуподерзие, людодерство, людодерец; чужебесие (излишнее доверие к иностранцам, слепое поклонение перед всем чужеземным); гостогонство (гонение на торговцев, купцов), звездобайство (астрология), златотворство (алхимия), предговорие (предисловие), складники (компаньоны), поднепряне (жители Поднепровья), чужевладство (власть чужеземных правителей), чужепудие (изгнание чужеземцев), хлебодражители (скупщики хлеба), владание народное (государственный строй), думник (член правительства, советник), торговище (торговля, торговый центр), назорники (надзиратели), мерник (человек, ведающий мерами), областник (представитель региональной власти), державник (правитель города или уезда), зримники (смотровые башни), общевладство (республика), заветник (сторонник, приверженец), дивосильник (герой), людодерство (политика).

У Крижанича нет целостной и законченной концепции социальных отношений, как, например, у его старших современников Гуго Гроция или Томаса Гоббса. Однако он живо интересовался этой стороной человеческой жизни, разработав для условий России идеальную, на его взгляд, схему социальных отношений и деления общества на “сословия и разряды”, которые “различны и складываются в соответствии с различными обязанностями людей”.

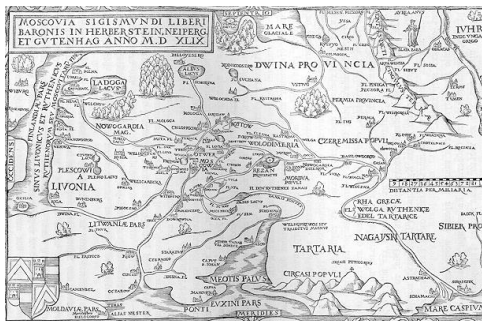
В этой схеме он выделяет особую социальную группу людей - “mudrostni remestniki” (мастера ученых дел, или ученые ремесленники), которых он относил к так называемым охраняемым членам общества, без которых “люди не могут жить”. “Мастерами ученых дел, - пишет Юрий Крижанич, - называют тех, кто занимается мудреными делами, кои для жизни того или иного человека в отдельности не кажутся очень полезными, но для всего народа в целом очень нужны”. Таковы ликописцы, или образники, пишущие образа; литейщики (рудолейцы), которые отливают звоны и пушки; промысельники (“Ingenijarij”, т. е. инженеры) - создают мудреные ратные орудия; грамматики - учат языку и письму, составляют словари (“речила”), историки - пишут летописи; математики (“аритметики”) - обучают искусству счета (“чисельной уметили”); астрономы - “считают звездное течение и времена”; философы (“рачители мудрости”) - рассуждают о нравственном учении и о политике или государственных делах.

Как видим, речь главным образом идет – в современной терминологии – об интеллигенции, т. е. о “работниках умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры”* и, добавим, образующих особый социальный институт, играющий, по мнению Крижанича, важную роль в жизни общества.

СОЛОВЕУСКА ЧЕЛОБИТНА .
 ОЕ СЪРВЕВЪРСТВЪ И ОЕ РАЗДОРЪ :
 ЗЪ ОБЪАСНЕНЕМЪ ЮРИКА КРИЖАНИЧЕ
 ЧА, ПРЕЗВАНЦЕМЪ СЕРВЛАМИНА :

* С.И. Ожегов Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988.

Принципы и основные направления рационального природопользования в России

Система взглядов Крижанича, определяющая принципы и основные направления природопользования, имеет практическую устремленность и основывается на следующих положениях [33, 34, 59]:

1) разумное использование природных ресурсов: “природные твердыни (т. е., в его понимании, моря, реки, озера, болота, горы, леса и т. д. – Е.Я.) надо уметь беречь и использовать...; надо знать, как пользоваться своим добром, которое от природы дано... народу и земле нашей, и уметь сохранять его”;

2) “тежачество” (т. е. “умение возделывать или пахать землю, ее плоды собирать и сохранять”) – корень всего богатства страны; землю и недра надо уметь возделывать так, чтобы с пользой можно было взять “плоды земли и воды”, необходимые человеку;

3) природное сырье - основа всех ремесел, что, в свою очередь, требует развития горного дела;

4) целенаправленное изучение природных условий и природных ресурсов страны, учет их, основанный на научном знании;

5) регламентация и даже запрещение вывоза за рубеж “сырого материала”, развитие отечественной промышленности, животноводства, выращивание новых сельскохозяйственных (продовольственных, технических, лекарственных) культур, экспорт готовых изделий;

6) бережливое и эффективное использование сырья; создание государственных запасов руд и металлов;

7) принятие законов, которые сделают выгодным для населения страны освоение природных ресурсов и развитие на этой основе ремесел; природоохранные правила должны, при необходимости, предусматривать императивные ограничения;

8) активное освоение территории Сибири, которая “и ныне нам полезна, но может стать гораздо полезнее”, других окраин страны, включая низовья Волги и Дона, Азовское и Каспийское моря, их побережья, берега Амура и Северного Ледовитого моря;

9) создание центрального органа государственного управления различными промыслами и ремеслами.

Для своего времени многие из этих положений были пионерскими; для России некоторые из них не потеряли своего значения и сейчас, а первый тезис, по сути, является основным принципом природопользования, на котором должны базироваться природоохранное дело и эксплуатация природных ресурсов в любой стране.

Корнем многих общественных и житейских зол Крижанич, следуя традиции христианских богословов, считает алчность (“лакомость”): “Корень всему злу есть лакомость”, поскольку “кто прешироко распростирает руки, ничего не стиснет” [59]. Жадность и невежество людей суть источники всех человеческих бед и страданий. Если в стране есть алчные люди и безбожные законы или раздоры и обиды, утверждает Крижанич, то людям всегда придется жить в печали и жаждать перемен к лучшему. Особенно порицал он жажду власти правителя страны и “злое сердце, мерзкую жадность, продажность и недостойную сговорчивость” чиновников, которые “приводят весь народ в нищету и в крайнюю бедность”. Жажда власти, - пишет Крижанич, - это такой соблазн, который окончательно ослепляет человека и делает его безумнее скота и зверя. Он называет одну из причин “мерзкой жадности и продажности” московских “властелей” (чиновников) – слишком скудное жалование, которое получают приказные. Тем не менее, - отмечает Крижанич, - “люди живут”. “А на что живут? Легко догадаться: живут, торгуя правдой. Поэтому не удивительно, что в Москве так много воров и разбоя и убийств, а гораздо удивительнее, как могут еще жить в Москве честные люди” [34]*.

* “Подлинные звери – в многолюдных городах”, - писал иезуит Бальтасар Грасиан, старший современник Крижанича, человек такой же трудной судьбы, испытавший ссылку, унижения, беды, отчаяние (*Бальтасар Грасиан Карманный оракул. Критикон.* – М.: Наука, 1982).

В обыденном понимании хищническая эксплуатация природных ресурсов есть не что иное, как примитивная жадность*. Хорошо известно, что существует некий предел (так называемая устойчивая максимальная эксплуатация ресурса), после которого усиление использования многих природных ресурсов нарушает способность их естественного возобновления. Очень часто главный вопрос, возникающий в ходе природопользования, сводится к следующему: каков уровень устойчивого использования данного биологического вида, природной системы или природного ресурса, не подрывающий их способности к возобновлению? Крижанич дает на него простой, но точный ответ: только тот, “кто ловит рыбу в меру, всегда найдет в пруду что ловить. А тому, кто в один день дочиста выловит всю рыбу из пруда, в другой раз нечего будет ловить” [34]. Так, рассуждая о пользе, которую приносит России производство поташа, Крижанич предлагает, что “вести это дело надо, зная меру”, каждый год “выжигать его не слишком мало и не слишком много”, поскольку, с одной стороны, интенсивная добыча поташа способствует истреблению леса и вредит сбору меда; с другой – его перепроизводство уменьшит стоимость этого продукта и, соответственно, доходы, получаемые производителями и государством. Разумный хозяин, продолжает Крижанич, прежде и больше всего должен думать о сохранении, нежели о сборе “плодов земли и воды”.

В XVII в. Поташ в России добывали в большом количестве, истребляя при этом значительные лесные массивы, что привело, например, в Поволжье к сокращению бортничества. Уже в 1639 г. был издан указ, говорящий о том, что леса “многие повысечены... от сжения того лесу на поташ и на смольчугу, от дыму пчелы повылетели и от того бортные угодья опустели и мед стал дорог” [22]. В ряде районов была даже запрещена постройка будных станов для производства поташа. Крижанич не только оценил тот вред, который приносит не

* Два столетия спустя А.И. Воейков одной из причин деградации природы назовет “нерасчетливую алчность” людей [21]. Уже в наши дни Е. Минард заявит, что источником всех страданий людей всегда были их невежество и жадность [43]. Жадность, по мнению американского ученого, порождается наиболее низменным животным инстинктом самосохранения, и ее может регулировать или хоть как-то держать под контролем лишь достаточно просвещенное общество. Инстинкты, свойственные определенному биологическому виду, утверждает Минард, не меняются со временем. Хищническая эксплуатация природных ресурсов есть “низменный животный инстинкт”, присущим современному человеку.

контролируемое производство поташа лесам и бортничеству, но и одним из первых высказался за урегулирование этого промысла. Его интерес к проблемам бортничества и поташа был, возможно, обусловлен тем, что крупнейшее производство поташа в то время было организовано в нижегородских вотчинах Б.И. Морозова*, где работало не менее 29 майданов [47]. Морозовский поташ считался лучшим в России. В значительных масштабах он шел на экспорт. Немалый доход хозяйству Морозова приносило бортничество, причем основная масса бортных ухажав была расположена также в нижегородских вотчинах. В описной книге 1667 г. по Арзамасскому уезду говорится: “По указу боярина Бориса Ивановича Морозова в тех вотчинах... были поташные майданы, и на то поташное дело те леса высечены; а ныне де который лес стоит и не посечен, и в тех лесах бортных дельных дерев со пчелами нет, и бортников и старожиллов, на сколько верст того лесу не будет, нет же...” [47]. Общаясь с Морозовым и его приказчиками**, Крижанич многое мог узнать об этих промыслах и их проблемах.

Главную роль в освоении природных ресурсов Крижанич отводит тежачеству, называя его основой материального благополучия

* Боярин Б.И. Морозов, воспитатель и свояк царя Алексея Михайловича, крупнейший землевладелец России того времени, предприимчивый торговый деятель, владел железодельными, кирпичными, поташными заводами, мельницами, винокурнями. Во время своего пребывания в Москве Крижанич был вхож в дом боярина и пользовался его поддержкой.

** Одним из них, например, мог быть Леонтий Гросс, уроженец Пфальца и австрийский подданный, попавший в русский плен под Ригой в 1656 г. [37]. В 1659-1661 гг. Гросс служил приказчиком в нижегородском владении Морозова с. Лыково, которое насчитывало около 450 дворов и являлось по сути торгово-промышленным посадом с острогом, гарнизоном, пристанью, таможенной избой, различными производствами и торговыми связями по всей России. Гросс, бывая в доме Морозова, просто не мог не общаться с Крижаничем, недавно приехавшим из Европы. Возможно, что именно Гросс в 1675 г., служивший уже в Посольском приказе в коллегии переводчиков, возглавляемой Н. Спафарием, порекомендовал последнему воспользоваться услугами хорвата для перевода книги голландца Ван-Горна о путешествии в Китай. В Москве помнили, что в Тобольске живет ссыльный иноземец Юрий Сербенин, но о том, что он знает голландский язык, вряд ли знали, поскольку осенью 1659 г. при допросе в Посольском приказе (формальная процедура того времени) Юрий сообщил, что он “умеет языком и грамоте по-латине, по-итальянски, по-гречески, по-еллински” [55]. О знании голландского языка он умолчал, но мог сказать об этом Л. Гроссу (или, например, А.А. Винуису).

страны. В “Терминологии русской истории” В.О. Ключевского сказано, что в древней русской письменности термин “тягло” связан с понятием о жатве, “тяжари” - нивы, пашни, “тяжание” - жатва; в XVI веке “тяжарь” значил пахарь, хлебопашец. В церковно-славянском словаре слово “тежак” - означает “несущий тягло, земледелец”, пахарь; “тежаческое” – земледельческое “тежачество” – несение тягла, земледелие. В словаре В.И. Даля есть слово “тяжати”, т. е. “прилежать, трудится, работать, делать”, “прилагать силы, старанье” [25]. По Крижаничу, тежачество, – это не только обработка земли с целью выращивания сельскохозяйственных растений; тежачество - это и умение возделывать или пахать землю, умение собирать и сохранять “плоды земли и воды” [34]. По сути, тежачество - это природопользование в современном понимании “возделывания и сохранения земли и воды”, или, как сказано в известном словаре [57], совокупность всех форм эксплуатации природно-ресурсного потенциала и мер по его сохранению*.

В XVIII в. Р. Кантильон, Ф. Кенэ и многие их последователи также считали, что земля является единственным источником богатства, но лишь сельское хозяйство его приумножает, причем “богатство земли”, в их понимании, определяется главным образом естественным плодородием почв [6]**. У Крижанича речь идет о

* Крижанич, в сущности, рассуждает о *рациональном природопользовании*, т. е., как сказано в упомянутом словаре, о системе деятельности, призванной обеспечить экономную эксплуатацию природных ресурсов и условий и наиболее эффективный режим их воспроизводства с учетом перспективных интересов развивающегося хозяйства и сохранения здоровья людей.

** Крижанич однажды написал, что он “большую часть Европы объездил”. Был “в Париже, Лондоне, Венеции, Вене, Амстердаме и во многих других известных городах Европы” (Исторический архив, 1958). Эта сторона его жизни мало известна. Его биографы ничего не сообщают о посещении им Парижа, Лондона, Амстердама. В то же время многие описания и рассуждения Крижанича – это описания и рассуждения очевидца. Изучение им некоторых иностранных языков (например, голландского) может быть объяснено сугубо практической необходимостью (посещение Амстердама). Он, безусловно, общительный человек, умел слушать людей, но, главное, он умел наблюдать, сравнивать, обобщать, делать выводы. Путешествуя по Европе, Крижанич имел хорошую возможность многое увидеть, что позже послужило основой для его рассуждений о природопользовании и горном деле. К тому же, уже тогда в Западной Европе столкнулись с явлением, много позже названного “экологическим кризисом” (см., например, интересные работы Л.Г. Бондарева [10-12]). .

земле, недрах и водах, “плоды” которых служат основой для получения “сырья и невыделанных материалов” с целью их последующей промышленной переработки и получения готовых изделий. У него прослеживается мысль, что при “умении возделывать землю” плодородие почвы можно поддерживать на должном уровне искусственными мерами. Земля, - убежден Крижанич, - требует к себе бережного отношения, и “поэтому казенная Дума не должна пренебрегать заботой” о правильном ведении тяжачества [34].

Итак, природные ресурсы (“плоды земли и воды”, из которых получают “сырье и невыделанные материалы”) являются основой развития различных ремесел, что Крижанич определяет краткой формулой: где нет сырья, там нет и изделий [34]. “Материалом или сырьем, - пишет он, - называются те вещи, из которых делают всякие необходимые изделия (например, железо, медь, дерево, камень, шерсть, лен, кожа и т. п.)”*

Крижанич классифицирует природные ресурсы (“плоды земли и воды”) на три группы:

- растительные (зерно всякое; бобы всякие; коренья, цветы и семена пряные; огородная зелень; коренья огородные; лечебные травы; красительные травы; душистые травы; плодовые деревья; лесные деревья);
- животные (живность четвероногая; живность пернатая; живность водная; живность гадная);
- минеральные “плоды земли” (камни, руды, минералы и краски (рис. 2).

Как видим, в подгруппу камней Крижанич включает камни простые (мрамор, мергель, известняк, кремень и прочие) и драгоценные (алмаз, сапфир, бирюза, яхонт и прочие); к рудам относит “белое железо”***, золото, серебро, медь, олово, свинец, ртуть, железо, к

* В современных словарях мы находим практически такое же определение термина “сырье”: а) материал, предназначенный для дальнейшей промышленной обработки [63]; б) предметы труда, подвергшиеся раньше воздействию труда и подлежащие дальнейшей переработке (например, добытая руда, состриженная шерсть); в) часть природных ресурсов, главным образом полезных ископаемых, используемых в производстве [57].

** Тогда на рынок поступало в основном кричное железо, а также так называемый уклад (т. е. стальной сплав), который Крижанич, видимо, и называет “белым железом”, “лучшим железом” и т. п.. В извещении известного рудознатца первой половины XVII в. Ф. Еремеева встречается, например, фраза, что в Кузнецке “железо добре, будет из него сталь” [44].

минералам и краскам – соль, серу, селитру, чернила, киноварь, белила, буру, земляной уголь и прочее. В своих произведениях он в качестве “минеральных плодов земли упоминает также глину строительную, глину для изготовления посуды, глину для производства кровельного кирпича, сернистую землю (“серницу”)*, янтарь, строительный камень, известь, тальк, жемчуг, коралл.

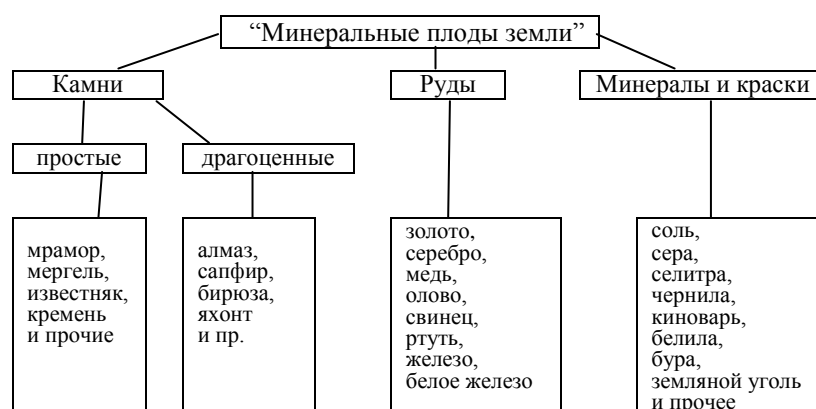

Рис. 2. Классификация минеральных ресурсов по Юрию Крижаничу.

Классификация “плодов земли и воды”, безусловно, является результатом творчества самого Крижанича. Известные в то время и признанные вплоть до начала XIX в. классификации Авиценны и Агриколы касались в основном минеральных тел. В частности, Авиценна считал, что минеральные тела при грубом их разделении распадаются на четыре разряда, а именно: на камни (или земли), плавкие тела (т. е. руды), серо-подобные тела (т. е. горючие вещества) и соли, растворимые в воде [31].

* “Один из видов руды – земляной уголь или сернистая земля, способная гореть. Ее добывают и жгут в Шотландской и в Курляндской земле. Бывает она двух видов: одна горит и неподсушенная, а другая не горит без сушки. Эта последняя имеется в Курляндии, и, как я слышал от сведущего человека, имеется и близ Тобольска, и в иных местах на Руси» [34]. Считается, что “земляной уголь” – это каменный уголь, а “сернистая земля” (“серница”) – горючие сланцы [22], что, впрочем, требует уточнения. Если в тексте “Политики” Крижанич относит эти виды полезных ископаемых к рудам, то в своей классификации природных ресурсов уверенно помещается “земляной уголь” в “минералах и красках”.

Агрикола, следуя во многом классификации Авиценны, разделил ископаемые вещества на две основные группы: 1) вытекающие из земли жидкости и газы; 2) твердые ископаемые, которые, в свою очередь, могут быть: а) однородными, б) разнородными. К последним относятся уже горные породы, а также “пустое” вещество рудных жил. Простые ископаемые делятся на четыре класса: а) земли – сыпучие и рыхлые вещества, в том числе почвы; б) затвердевшие соки – жирные (сера, битумы, реальгар и др.) и тощие (соль, селитра, квасцы, горная синь и др.); в) камни – обыкновенные (магнетит, гематит, асбест и др.), драгоценные, полируемые (поделочные мраморы, сиениты, базальты и др.), простые (строительные камни); г) металлы – золото, серебро, медь, железо, свинец, олово, висмут, ртуть и сурьма [1].

Классификация природных (минеральных и биологических) ресурсов, предложенная Крижаничем, в существенной мере основана на их практическом значении. В этом ее определенное достоинство. Его соображения о том, что окружающие человека “твердины” могут быть природными (моря, реки, озера, болота, леса, горы и т. д.) и искусственными (созданными человеком – остроги, крепости и т. п.), можно рассматривать как первую (пусть и своеобразную) попытку разделить объекты окружающей среды (ландшафты) на их природные и антропогенные разновидности. Крижанич сумел оценить тот факт, что почвы многих районов Центральной России и Сибири гораздо плодороднее и урожайнее, нежели почвы некоторых европейских стран. Он также высказал также немало здравых мыслей о ведении сельскохозяйственного производства, о практике возделывания полей и огородов, о переработке сельскохозяйственной и природной растительной и животной продукции, о строительстве различных сельских построек (в том числе из местного сырья), которые “должны удовлетворять все потребности земледельцев”.

Надлежащее управление государством и эффективное развитие хозяйства страны невозможно без знания ее природных условий и особенностей территориального распределения полезных ископаемых. В связи с этим Крижанич указывает на необходимость и даже на обязательность (что должно определяться особым законом) целенаправленного изучения природных условий и систематического учета природных ресурсов страны*. Правитель и государственные чиновники

* Речь, по сути, идет о ведении кадастра природных ресурсов. Лишь много лет спустя Иван Посошков высказет идею о необходимости создания земельного кадастра в России.

должны знать природные условия своего государства, богатство и бедность полей: чем земля обильна или бедна, чего лишена, что могла бы и чего не может уродить и т. д. Поэтому следует направить в разные районы страны специальных наблюдателей для описания природных условий и учета имеющихся природных ресурсов. Кроме того, необходимо узнать по всей стране, “где какие места к чему” пригодны с практической точки зрения, например, где есть места, годные для пастбищ, где можно поставить мельницы, мастерские, печи стекольные, заводы по производству селитры, смолы, извести, кирпича и т. д. А что бы такие места действительно осваивались, следует тех, кто возьмется за налаживание соответствующего производства, освобождать на несколько лет от уплаты налогов, а впоследствии брать с них только лишь посылную подать [34]. Крижанич также предлагает осуществить целый комплекс мер по развитию табаководства в интересах государственной казны*.

* На возможность получения для государства существенной прибыли от строительства табачных фабрик позднее указывал и Посошков [53]. С рассматриваемых позиций “табачная проблема”, о которой Крижанич пишет довольно много, показательна для понимания хода его рассуждений. Как известно, на Руси за употребление и торговлю табаком указ 1634 г., отражавший, по словам В.О. Ключевского, церковно-народное предубеждение, грозил смертной казнью. Но затем казна стала продавать табак чуть не на вес золота. После “соляного” бунта 1648 г. табачную монополию отменили, восстановив закон 1634 г., – Соборное уложение 1649 г. устанавливало смертную казнь за торговлю табаком. Крижанич так объясняет причину, по которой был запрещен табак на Руси: “народ терпит большой убыток, поскольку из страны ежегодно вывозится много денег за ненужный товар..., ибо чужеземцы ежегодно несметное множество того зелья привозят на Русь и страшно дорого его продают”. А поскольку запрет на курение табака малоэффективен (так сказать, курили и будут курить, надо лишь, считает Крижанич, “знать меру”, а “от тех, кто живет в миру, требовать такого же воздержания и превращать воинов в монахов – это уже будет не благочестие, а суеверие и нарушение порядка”), то лучше уж разводить табак в стране, тогда “каждый год на Руси оставалось бы несколько сот или тысяч рублей, которые вывозят из нее за табак”, тем более, продолжает он, курить табак разрешается воинам на войне и рудокопам в рудниках. Поэтому, - пишет Крижанич, - “я думаю, что если бы сажать дома много табака и заботливо за ним смотреть, то была бы с того тройка польза...: Во-первых, была бы выгода царской казне. Во-вторых, дома у народа осталось бы много денег, вывозимых ныне за границу за этот ненужный товар. В-третьих, люди обрадовались бы освобождению: тому, что с их шеи снято было бы двойное ярмо: плотское ярмо царского запрета и наказания и духовное ярмо суетного предрассудка, запрещающего как грех то, что не грешно, и нагоняющего страх тем, что не страшно» [34].

Не менее важным Крижанич считает возможность культивирования новых сельскохозяйственных растений в “здешних местах”, например, риса и предлагает организовать “сыск мест”, пригодных для его выращивания, ориентируясь главным образом на низовья Дона и Волги. Интересна его идея о возможности разведения шелковичных червей в “натопленных избах” (иначе говоря, в теплицах), хотя из-за отсутствия соответствующих знаний он не смеет об этом судить с уверенностью. Юрий Крижанич рекомендует русскому царю завести для себя виноградники, например, в окрестностях Каспийского моря, или, что еще лучше, в Персидской земле, арендуя для этого необходимые участки земли. Он обращает внимание на важность и на необходимость создания карт (чертежей) и описаний приграничных территорий, попадающих, говоря современным языком, в сферу интересов России, и тех районов, где не исключено – по различным причинам - ее военное вмешательство.

Итак, понимая, что наличие в стране необходимых минеральных и биологических ресурсов есть важный фактор, главное условие экономического развития страны, Крижанич, тем не менее, утверждает, что фундаментом благосостояния государства являются ремесла, основанные на переработке сырых и невыделанных материалов; только “благодаря ремеслу богатеет страна и наполняются города”. Актуальны его слова о том, что “надо бы накрепко установить,... чтобы за рубеж не вывозилось никакого сырого материала..., а чтобы дома наши люди делали всякие изделия... и готовые вещи продавали за рубеж” [34]. “Добывать только сырье, - писал в свое время Д.И. Менделеев, - значит отказаться от сливок, довольствуясь снятым молоком,... добывать сырье может и дикарь...” [40]. Юрий Крижанич хотел видеть Россию страной “людской”, цивилизованной, страной высокой культуры. Интересно, что Иван Посошков в своей известной книге (законченной в 1724 г.) предлагал Петру I строить больше отечественных предприятий, прекратить продажу на Запад сырья и “потщатися, чтобы завести в Руси делать те дела... кой из русских материалов делаютца” [53]. В литературе бытует мнение (см., например, [50]), что в начальной истории русской экономической мысли нет более последовательного и активного сторонника развития обрабатывающей промышленности, ориентированной и на внешний рынок, нежели Посошков, которого очень волновал набор потребительских товаров, ввозимых из-за рубежа, но способных производиться в России. Как видим, не менее актив-

ным сторонником этого был и Юрий Крижанич, на 50 лет опередивший своими идеями Ивана Посошкова*.

Крижанич ратует не только за освоение природных ресурсов, но и является последовательным сторонником эффективного использования минерального сырья, в первую очередь металлов, столь дефицитных в России. В Европе, - пишет он, - “из самого последнего и негодного железа делаются горшки..., и ядра пушечные, и пули мушкетные, мелкие и свинцом облитые, и прочее. А у нас худшее железо даром пропадает”. Он рекомендует при изготовлении досок пользоваться не топорами, а пилой, что позволит экономить древесину, поскольку при “работе топором половину леса или 50 бревен из ста даром переводят на щепки, а при работе пилой все идет на пользу”.

Крижанич верно подметил, что многие продукты – мед, воск, икра, пшеница, рожь, лен, кожи – вывозятся за рубеж не из-за обилия их, а по необходимости или из-за “козней чужестранцев”, при этом “мы сами лишаемся плодов своей земли и терпим недостаток в них”. “Мы продаем много кожи другим народам, а сами ходим боссы” [34]**. В связи с этим он предлагает ввести разумную квоту на вывозимые за рубеж сырье, материалы, изделия: “Надо так продавать чужеземцам свои блага, чтобы самим не лишиться их, а чтобы было установлено какое-то определенное количество: сколько и какого товара можно каждый год разрешить вывезти из страны - и не более того”. Крижанич считает, что следует торговать не только “своими товарами”, но и “по сухопутью завести и развивать... большую торговлю и перевозить товары от разных народов к иным народам” (например, из Западной Европы в Азию и наоборот), что даст большую прибыль государству***.

* “Идейных” совпадений в их работах встречается очень много.

** Через два столетия, судя по всему, ситуация не изменилась: “Мы будем меньше есть, но будем больше экспортировать” – заявил в 1887 г. министр финансов Вышнеградский [19]. “Суетна та слава, - пишет Крижанич, - когда своих морят, чтобы чужих насытить” [34].

*** В “Политике” Юрий Крижанич разработал своеобразную программу развития внешней и внутренней (домашней, в его терминологии) торговли.

Оригинально суждение Крижанича о необходимости создания государственных запасов различных руд и металлов. Он также предлагает, чтобы царские приказчики составили список всех товаров и изделий, употребляемых людьми во всем свете, собрали и держали при себе образцы таких товаров, знали их названия и обличия. А поскольку авторское право в те времена явно находилось в зачаточном состоянии, и преобладал, видимо, принцип “ноу-хау”, то, полагает Крижанич, невелика мудрость выковать немецкий безмен, глядя на его, так сказать, торговый образец.

Между прочим, лишь почти сто лет спустя М.В. Ломоносов предпримет попытку составить “Экономический лексикон российских продуктов” – алфавитный перечень производившихся в России товаров с их описаниями. Эту работу, к сожалению, ему не удалось завершить, но Академия наук еще долгое время после его смерти продолжала сбор сведений и их обработку, что принесло большую пользу географическому и экономическому изучению России [27]. Крижанич, наряду с составлением “лексикона мировых продуктов”, предлагает также “добыть всяких ремесленников”, умеющих получать и обрабатывать металлы и другие материалы и делать из них различные вещи, “какие только придуманы на свете”. Ремесленников и мастеров следует распределить по городам с учетом требуемых для их деятельности ресурсов: воды, леса, льна, шерсти, железа, “всяких материалов и... других нужд”. Необходимые для рудных мастеров и других ремесленников орудия труда следует производить в стране, а не покупать их за границей. Интересна его мысль о том, что развитие одного вида ремесла или промысла нуждается в развитии других видов (например, для повышения эффективности сельского хозяйства необходимо изготовление более совершенных орудий труда и т. д., поскольку “как воин без оружия, так и земледелец без орудий – бесполезен” [34]).

Рассуждая о том, какое государство следует считать богатым, Крижанич выстраивает своеобразный ряд признаков богатства, в котором основой является наличие золота, серебра и иных руд (точка зрения меркантилистов), но вершиной – “хорошие, добрые законы”, поскольку “каковы законы – таков и порядок вещей в государстве”, а “грабительские законы” всегда и везде порождают дурные последствия, то есть “безбожные выдумки приказных, и грабежи, и опустошение страны” [34]. Улучшение и укрепление государства, подчеркивает Крижанич, гораздо более зависят от хорошего законодательства, нежели, например, от расширения рубежей и завоевания новых территорий*. Поэтому, считает он, во-первых, необходимо принять такие за-

коны, чтобы у подданных не появлялось желания заменить их другими (“все сословия должны быть довольны своим жребием”); во-вторых, законы должны инициировать в народе творческую самодеятельность, способствовать развитию различных ремесел и сделать выгодным для всех жителей страны и для государства в целом освоение территории и природных ресурсов; в третьих, налоги, определяемые законами, должны быть разумными, ибо “за чрезмерными сборами в казну следует запустение страны”**. Как мы уже знаем, Крижанич предлагал заменить многочисленные поборы единым налогом, нужный для обороны страны и для “всяких общих расходов”. Правительство должно также принять особые природоохранные меры, в том числе запретительного характера, например, для охраны бортничества, приказав, чтобы в тех местах, где водятся пчелы, поташ без особого разрешения не выжигался***.

Ф. Бродель [13], описывая экономическое положение России конца XVII - начала XVIII в., отметил, что свою реальность так называемый русский мир-экономика доказывал существованием обширных периферийных областей: на юг - в сторону Черного моря, и в азиатском направлении, где находились “фантастические территории Сибири”. Крижанич прекрасно понимает эту специфическую особенность русского мира-экономики и высказывает немало умных и удивительно современных соображений о необходимости освоения окраинных территорий страны.

* “Не должно нас смущать то, - с сарказмом пишет Крижанич, - что завоевателей королевств всегда прославляли больше, чем хранителей. Ведь это случается потому, что... они больше бросаются людям в глаза и производят больше шума и грохота” [34].

** “Крутое собрание [налогов] не собрание, - утверждал Иван Посошков, - но разорение” [53]. Крижанич считал также, что налоговые привилегии каким-либо сословиям или отдельным лицам должны быть предоставлены в той мере, в какой они (привилегии) полезны всему обществу. Особенно вредны и губительны для государства и общества, по его мнению, привилегии, которые тем или иным способом подрывают авторитет государственной власти.

*** Крижанич, много рассуждая о “власти закона” (выражение К. Поппера), не опускался до абсурда, часто свойственного тогдашней (и не только) российской действительности: “Нам, - писал он, - не нужны законы об одежде, а гораздо больше нужна хорошая форма одежды” [34].

Прежде всего, по мнению Крижанича, в экономическом развитии России особая роль принадлежит Сибири, которая “сему царству есть несмерно нарядна и пригодна” [59]. Он (задолго до известных высказываний М.В. Ломоносова и Д.И. Менделеева) смог увидеть в фантастических сибирских просторах не только место для ссылки провинившихся или политически неугодных людей, не только бескрайние леса, необходимые для пополнения государевой соболиной казны, или безбрежные степи, где водятся столь любимые царем кречеты, но страну, обладающую удивительной природой и плодородными почвами, богатую “произрастениями земли”*, где земледелие “в высшей степени облегчено: земля вовсе не нуждается в удобрении навозом”**; страну, богатую разнообразными ресурсами, с удобными водными и сухопутными путями, страну, населенную народами с самобытной культурой, у которых есть чему поучиться.

“Многие [чиновники], - констатирует Крижанич, - мыслят лишь о ясаке, иных доходов не видят” [34]. В самом деле, с практической точки зрения, историки в этом единодушны, русскими в Сибири руководило то, что можно назвать пушной лихорадкой [17]; в истории Сибири ясак сыграл решающую роль, ради ясака делалось все [4, 5, 18]. Московские государи и местные воеводы упорно добивались того, чтобы ясак всегда платился только мехами, отказываясь, например в Кузнецком уезде, от выплаты ясака железом и железными изделиями, и требуя лишь мягкой рухляди. Между прочим. Крижанич считал, что “сибирские урядники должны были бы вместе с меховой казной отсылать в Москву и большое количество этого железа”. Более того, можно “и в Сибири ковать сабли, мушкеты, палаши, латы, пилы, косы, рубанки и всякое оружие и орудие и присылать в Москву” [34]. Только в 1730-х гг., когда “пушной цикл” в Сибири завершился, план Крижанича постепенно осуществляется и здесь по-настоящему начинает развиваться горнопромышленное производство, строятся

* Протопоп Аввакум восторженно писал: “Горы высокие, дебри непроходимые; утес каменной яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову. В горах-тех обретаются змеи великие, в них же витают гуси и утицы – перие красное; тамо же вороны черные, а галки серые... Тамо же орлы, и соколы, и кречета, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие, - многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери дикие: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикие...” [29].

** Действительно, легкие почвы южных окраин Сибири легко обрабатывались сохой с сошником из дерева.

плотины, водобойные колеса, паровые молоты, металлургические заводы и печи.

Юрий Крижанич оставил нам замечательный труд по географии этого обширного региона, в котором осуществил его природное районирование и высказал оригинальную идею о существовании в пределах Сибири субширотной географической зональности, выделив три самостоятельных пояса-климата – “северный климат” (современные тундра и лесотундра), “средний климат” (современная лесная зона), “третий климат или пояс” (“обширные степи”) и дал им яркую и верную характеристику [33]*.

Этот труд Крижанича, по справедливой оценке Д.М. Лебедева [38], представляет собой лучшее из всего того, что было написано о Сибири в XVII в. Именно из “Истории о Сибири” западноевропейские ученые могли узнать об открытиях русских на северо-востоке Азии, в том числе, об открытии (Алексеевым и Дежневым в 1648 г.) пролива между Азией и Северной Америкой, о чем Крижанич сообщает в своем труде, не называя имен землепроходцев**, но уверенно написав, что имеющееся по этому поводу сомнение – существует или не существует пролив – было “в самое последнее время разрешено воинами

* В науке лишь в конце XVIII в. сложится ясное представление о существовании в пределах Евразии географической зональности (работы В.Н. Татищева, И.И. Георги, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, С.И. Плесеева). Это вполне дает право считать, что Крижанич, по сути, совершил научное открытие.

** В литературе обычно сообщается, что Крижанич получил сведения об открытии пролива в Тобольске, где о походе Алексева и Дежнева, так сказать, “просто знали”. Известно, что С. Дежнев посещал Тобольск (во время поездок из Якутска в Москву и обратно) в июле 1663 г., в июле 1666 г. и летом 1671 г. [7]. В первую поездку он находился в составе отряда И. Ерастова, а 1671 г. уже был начальником отряда, сопровождавшего в Сибирский приказ “государеву соболиную казну”. Безусловно, приезд в Тобольск таких отрядов (из далекого Якутска) и их отъезд в Москву (а тем более возвращение из столицы) были тогда заметным событием. Миновать воеводскую канцелярию руководители отрядов не могли. Крижанич, как ссыльный, был приписан к ней и, учитывая его интерес к сибирским делам, не мог не знать о приезде служилых людей и не встретиться с ними. Он, в частности, пишет, что “лично видел того, кто первый воздвиг крепость на берегах Лены и обложил эту область податью именем своего царя”, что знает воевод других сибирских городов [33]. Таким образом, Крижанич имел, по крайней мере, три возможности встретиться с Дежневым и мог непосредственно от него узнать о замечательном открытии. Судя по всему, эта встреча могла состояться в июле 1666 г. (Хотя, конечно, об этом открытии Крижанич мог услышать и от многих других землепроходцев.)

Ленской и Нерчинской области: они, собирая с туземцев дань, прошли всю эту страну до самого океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли, и что сказанные моря ничем друг от друга не отделены, но что Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном” [33].

“Историю о Сибири”, написанную на латинском языке, использовал при составлении своего монументального труда “Северная и Восточная Тартария” (первое издание вышло в 1692 г., второе, переработанное, – в 1705 г., третье, посмертно, – в 1785 г.) известный голландский путешественник, ученый и государственный деятель Николаас Витсен. Составленная им карта Тартарии (т. е. Сибири), дававшая относительно достоверное представление о территории России того времени, принесла ему не только похвалы ученых современников, сравнивших этот труд с “открытием Нового света Колумбом, но и благодарность русского правительства в жалованной грамоте царей Иоанна и Петра.

В 1664-1665 гг. Витсен в составе голландского посольства посетил Россию и оставил об этом путешествии интересный дневник, а также зарисовки видов Москвы и некоторых других русских городов*. В Голландии Витсен, богатый, но скромный человек, долгое время был бургомистром, депутатом нидерландского парламента, управляющим Ост-Индской компании, назначался казначеем города, а также выполнял разнообразные дипломатические поручения. Витсен приобрел широкую известность как один из самых ревностных покровителей наук и искусства. Но, пожалуй, для нас самое главное заключается в том, что он был близко знаком с Петром Великим, который “обучался натуральной истории в доме бургомистра Витсена, Гражданина знаменитого как по своей любви к отечеству, так и по доброму употреблению своих бесчисленных сокровищ”**. Витсен переписывался с Петром I - сохранилось несколько его писем русскому царю. Именно в книге Витсена “Северная и

* *Н. Витсен* Путешествие в Московию, 1664-1665: Пер. со староголланд.- СПб.: Симпозиум, 1996.

** *Ф. Вольтер* История Российской империи в царствование императора Петра Великого. – М., 1809, ч. 1, кн. 2.

Не мог ли Петр I услышать от Витсена, что еще недавно в России жил иноземец, написавший книгу о Сибири? Ведь Витсен, уже знакомый с этим трудом Юрия Крижанича, вполне мог поинтересоваться у русского царя: нет ли в российских архивах других работ ученого хорвата?

Восточная Тартария” сообщается о гибели Юрия Крижанича “при осаде Вены” [8]*.

Сибирь занимает особое место в реформаторском плане и, говоря современным языком, в геополитической концепции Крижанича. “Полезность” Сибири для Российского государства, по его мнению, определяется, прежде всего, возможностью освоения Северного морского пути и морского пути в Китай и Индию, наличием “мангазейского промысла”, “Кузнецкого острога и тамошния железные руды”, соляных озер, лесов, плодородных земель, пушных зверей, а также торговлей с калмыками, бухарцами, Китаем, Индией. Он рекомендует использовать опыт местных жителей в искусстве обрабатывать кожи, в добывании железа и производстве изделий из него, в пастбищном животноводстве, коневодстве, в освоении сенокосов и заготовке сена, в переработке мяса, шерсти, в использовании кедровых орехов; обращает внимание на необходимость развития судоходства на сибирских реках, “ибо вся сила сибирской земли в ее реках, и... кто хозяин рек, тот хозяин и этой земли” [34]; ратует за активное развитие железного производства в районе Кузнецка, где можно добывать столько металла, что “хватило бы всему царству”. Рассказывая о добыче самородной соли на Ямыш-озере, осуществляемую путем ежегодных экспедиций (трудоемких и малопродуктивных, поскольку “наши вояки... должны полдня тащить соль от озера к реке на своем

* Из Тобольска в Москву Юрий Крижанич вернулся в мае 1676 г. [8]. Ему почти 60 лет, проблемы со здоровьем. Он думает о возвращении на родину и просит отпустить его за границу Московского государства. Его просьба остается без внимания. Но Крижанич не теряет надежды и продолжает обращаться с челобитными к царю. В конце концов состоялось повеление царя отпустить хорвата “за рубеж на Смоленск и дать ему проезжую грамоту да две подводы”, и 9 октября 1677 г. он выехал из Москвы, 26 октября прибыл в Новгород, затем в Псков, а 15 января 1678 г. Крижанич был отпущен за литовский рубеж на Друю и навсегда покинул Россию, в которой провел без малого треть своей жизни. В Вильне весной 1678 г. он подстригся в монахи доминиканского ордена (под именем Августина) и работал над “Историей о Сибири”. В мае 1682 г. Крижанич выезжает в Рим, но в Варшаве, по требованию польских вербовщиков, он был вынужден в качестве священника присоединиться к польским ополченцам, входящим в союзные (австро-немецко-польские) войска, возглавляемых польским королем Яном Собеским (которому Крижанич подарил один из списков своего труда о Сибири) и шедших освободить осажденную турецкой армией Вену. Из сочинения Витсена мы узнаем, что 2(12) сентября 1683 г. Юрий Крижанич “находясь в польском войске, при осаде Вены недавно пал в сражении” [8].

хребте или возить [ее] на тачках”), Крижанич предлагает поставить здесь острог, что, по его мнению, позволит интенсифицировать ее добычу, причем соль могла бы использоваться и на месте, прежде всего, для выделки “сырых воловьих и овечьих кож”, поставляемых местными жителями (по его оценке, до 30-40 тыс. шкур животных в год); здесь можно также “солить говяжье и овечье мясо и вялить великое множество его на солнце и в дыму”. Соль и другие продукты с выгодой для страны поставлять в Европу*.

Все еще не найдено (или не сохранилось?) сочинение Крижанича “О китайском торгу”, написанное им в Тобольске, которое могло сыграть, как считают некоторые историки, определенную роль в организации посольства во главе с Н. Спафарием в Китай. Юрий Крижанич встречался с ним в Тобольске и “дал переписать свою книгу”, которую “издавна о китайских делах из всяких повестей собирал, а наипаче от себя по философии придумал” [8]**.

Как мы уже знаем, Крижанич по поручению Посольского приказа перевел для Спафария книгу о посольстве Ван-Горна в Китай (1666-1668 гг.) с голландского языка на латынь. Именно Крижанич указал Спафарию и наиболее удобный путь в Китай. Бухарские купцы, бывшие в Тобольске, рекомендовали послу ехать в Пекин через калмыцкие степи. Крижанич, объяснив недостатки этого пути, рекомендовал ехать через Нерчинск и Даурию. Русские купцы, с которыми консультировался тобольский воевода, придерживались того же мнения. Спафарий, как известно, последовал этому совету.

Особый интерес у Крижанича вызывает Каспийское море, что не случайно. Так, по мнению Г.В. Вернадского [18], в XVII в. важность Каспия в истории отношений России (как политических, так и торговых) с Центральной Азией, Персией, Индией очевидна. Это прекрасно понимает и Крижанич. В связи с этим он, в частности, предлагает, во-первых, чтобы “царь-государь” заполнил это море своими

* В 1702 г. с приходом А.А. Винуса в Тобольск связано учреждение казенной монополии на продажу соли с Ямыш-озера.

** Известная книга Спафария о Китае, впервые напечатанная в 1910 г., считалась его оригинальной работой. Однако Джон Ф. Баддели доказал, что основная ее часть является всего лишь переводом текста *Novus Atlas Sinensis* (1655), составленного иезуитом Мартини, экземпляр которого Спафарий получил от Ф. Вербиеста (главы иезуитской миссии в Китае). Только две главы о путях из Сибири в Китай и некоторые другие небольшие места написаны Спафарием [18]. Не исключено, что он мог включить в свою книгу (и в другие свои произведения) сведения, содержащиеся в записке Крижанича.

кораблями”. Это, с одной стороны, позволит вести активную и выгодную торговлю с персами и другими народами Азии, в странах которых следует “держать своих приказчиков” (завести торговые дома), с другой - наличие на море достаточного количества кораблей обеспечит возможность собирания дани с кочевых народов, живущих на его берегах и неподвластных персидскому королю, а также с торговцев, плавающих по морю*. Во-вторых, поскольку в Каспийском море есть много островов, то многие острова следует заселить “нашими” людьми, а с “населенных островов со временем брать дань”. В-третьих, все берега этого моря необходимо осмотреть** и узнать, где растет много винограда, а если его нигде нет, то найти место, где бы он мог расти; тогда с помощью “своих и тамошних людей завести там такие виноградники, чтобы их хватило для всего... королевства”. В-четвертых, в районе Каспийского моря и в низовьях Волги есть,

* Интересно, что в свое время Андрей Виниус (старший) предлагал построить гребной флот для Каспийского моря. В 1669 г. на Оке, в Коломенском уезде, в с. Дединове даже построили для Каспийского моря корабль “Орел”, спущенный к Астрахани, где в 1670 г. был сожжен Разиным [32]. Крижанич, судя по всему, был близко знаком с семейством Виниусов, как с приехавшим в Россию из Голландии Андреем Денисьевичем (1602-1662), известным купцом и мануфактуристом, так и с его сыном - Андреем Виниусом, еще более известным государственным деятелем времен Петра I. В “Истории о Сибири” Крижанич, уже находясь в Вильне, сообщает, что одно письмо, которое ему было направлено из Парижа в 1680 г., “было послано в Москву, а оттуда начальником почты, моим другом, не распечатанное... отослано в Вильну”. Еще С.А. Белокуров высказал предположение, что этим другом мог быть А.А. Виниус. Действительно, известный Андрей Андреевич Виниус (1641-1717), будущий ближайший сотрудник Петра I, находился во главе почтового дела с 1675 по 1701 гг. (см. *Козловский И.П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Т. 1. - Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1913). В то время А. Виниус особое внимание уделял и непосредственно руководил так называемой Виленской почтой. Пересылка пришедшего в Россию от иностранца (из Парижа) к еще совсем недавно ссыльному иностранцу, к тому же находящемуся в Вильне, в нераспечатанном виде – это, как говорится, дорогого стоит и безусловно свидетельствует о близкой, доверительной дружбе между А.А. Виниусом и Юрием Крижаничем.

** Голландец Н. Витсен в своей упомянутой выше книге сообщает, что по распоряжению царя Алексея Михайловича Каспийское море и Волга с ее устьями были положены на карту. Он приводит копию этой «карты», которую видел в 1665 г., будучи в Москве. Между прочим, в 1715 г. Петр I распорядился произвести съемку Каспийского моря.

видимо, удобные места для выращивания риса и особенно табака, который можно не только использовать внутри страны, но и продавать его “калмыкам и иным сибирским, татарским и черкесским народам, и литовцам, и белорусам”, что принесет большую прибыль государственной казне [34].

Крижанич указывает на необходимость развития “донской торговли”, руководствуясь во многом тем, что Азовское море “связано с великим океаном” и представляет собой удобный путь для вывоза различных товаров в другие страны. Для этого необходимо “устроить одно торжище на Дону напротив Азова”. В свою очередь, “донская торговля” будет способствовать развитию “азовской и черноморской торговли” и, соответственно, выходу в мировой океан. Однако, считает он, для полного успеха этого дела надо разрешить “крымскую проблему”. (Крижанич, между прочим, оправдывал настойчивое стремление России к незамерзающим портам Прибалтики.)

В своих работах Крижанич отмечает прекрасные судоходные качества российских рек (Волга, Дон, Сухона, Вологда, Иртыш, Обь, иные сибирские и дальневосточные реки), которые в полной мере еще не используются для судоходства. Он пишет о прямых выходах к Студеному и Хвалынскому морям, об освоении морского пути от Мангазееи до Китая и дальше до Индии, а также от верховьев Иртыша до “Архангельского моря”. Между прочим, реально оценивая тяжелые условия плавания русских судов по Северному Ледовитому океану*, он предлагает ходить “на кораблях в Индию” от берегов Даурии или Никании, мимо устьев рек, “которые изливаются в Восточный океан”. В России, подчеркивает Крижанич, в достаточном изобилии имеется конопля, смола, прекрасный корабельный лес, т. е.

* В частности, известное мнение Спафария о невозможности северного морского хода в Китай может быть следствием его бесед с Крижаничем, который в “Истории о Сибири” на вопрос, могут ли корабли от гавани Св. Михаила Архангела (Архангельска) или от устья Оби и города Березова, плывя “беспрепятственно” вдоль берегов Сибири, Даурии и Никании, приплыть в Китай, отвечал так: “В Ледовитом море лед никогда не тает вполне, но в течение всего лета по водам плавают в большом количестве огромные глыбы льда, сталкиваясь между собою; поэтому глыбы эти (особенно при сильном ветре) могут уничтожить какое угодно судно” [33]. Таким образом, Крижанич сообщает только о трудностях и опасностях такого плавания, но не утверждает в категорической форме, что оно никогда не может быть осуществлено. Аналогичное мнение высказывали в своих “скасках” русские первопроходцев того времени, опыт и знания которых он высоко ценил.

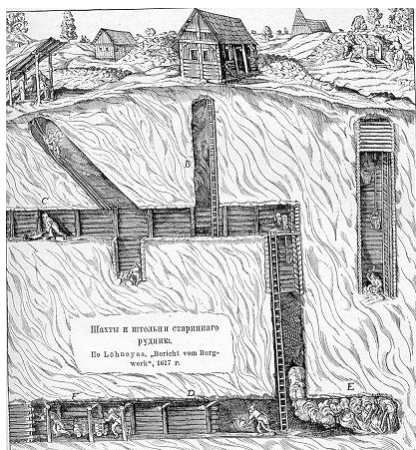
все то, что необходимо для строительства кораблей и развития судоходства, а это, в свою очередь, будет способствовать активизации морской торговли. Но, с сожалением констатирует он, “судоходства мы либо не знаем, либо мало что в нем понимаем”, поэтому “надо бы обратить большое внимание на судоходство и распорядиться обо всем, что для этого необходимо” [34].

Через три с небольшим десятка лет Петр I “распорядится обо всем”, что послужит основой для превращения России в мировую судоходную державу.

Следует сказать, что Крижанич, предлагая те или иные практические мероприятия, как правило, достаточно самокритичен и заявляет, что, “будучи несведущим” в данном вопросе, представляет судить об этом “людям сведущим и ученым”. Более того, например, рекомендуя выращивать какое-либо новое сельскохозяйственное растение, он считает необходимым прежде “сделать пробу”, т. е. провести своеобразный эксперимент – будет расти оно в этих местах или не будет, а уже затем принимать окончательное решение. С любых точек зрения, такой подход – самый разумный и самый надежный.

*De Providentia Dei:
De saepis ^{sine} Victoriarum, et Slavim ^{Юраа Серблянина} Жадааницы
Об Вѣзѣт Смотрѣни:*

О “сыске руд” и развитии горного дела в России

В середине XVII столетия в России бурно развивается соляной промысел, активизируются поиски руд цветных и драгоценных металлов, основываются первые металлургические мануфактуры. Именно в это время осуществляется переход от использования бедных болотных и озерных железных руд

к поиску и освоению коренных месторождений железа [36, 44, 46]. Московское правительство начинает задумываться о поощрении рудознатцев; “сыск руд” постепенно становится почетным, прибыльным и безопасным делом. Это в существенной мере и станет причиной того, что профессии рудоискателя, рудокопа и рудоплава привлекут к себе внимание предприимчивых людей из самых разных сословий.

В 1676 г. царем Федором Алексеевичем был дан указ князю Ю. Ромодановскому “о сыску Московского государства по всем городам и уездам серебряной, медной руд и красок и всякого узорного и простого пригодного камня” [38]. Поиски полезных ископаемых, в том числе при деятельном участии государства, продолжают не только в центральных районах страны, но и проводятся на Европейском Севере, на Урале и в Сибири, постепенно они приобретают регулярный, систематический характер, а целенаправленное освоение минеральных ресурсов страны становится одним из главных условий ее экономического развития.

Приближение этого времени чувствует и Юрий Крижанич и в специальном разделе своей “Политики” излагает основные принципы

организации горного дела в России, рассуждает о рудах и о том, как добывать руды и другое “природное сырье” [34]. О рудах, рудном деле, рудознатцах и рудоплавах он рассказывает и в “Истории о Сибири” [33]. Крижанич, оценивая перспективы развития горного дела в России, явно исходит из того, что успехи в этом направлении будут связаны главным образом с освоением Урала и Сибири*.

Горное дело, по Крижаничу, представляет собой сочетание двух видов деятельности – промысла, связанного с поиском минерального сырья (т. е., в современной терминологии, геологоразведки), и ремесла, направленного на добычу и получение минерального сырья для его последующей переработки (т. е. горно-металлургической промышленности). Теоретической основой горного дела является раздел физики, занимающийся изучением разных (природных) тел, в том числе руд и камней.

В представлении Крижанича горные территории ассоциируются с богатством различными рудами. Подобная закономерность регионального размещения полезных ископаемых в свое время отмечалась Агриколой, который считал, что “в большинстве случаев в горах имеются залежи какого-нибудь металла”, причем “обычно в гористых местностях имеются залежи двух, трех и более металлов” [2]. Не исключено, что Юрий Крижанич был знаком с некоторыми работами Агриколы или, например, с их переложениями. Безусловно, определенное влияние на горнорудные взгляды Крижанича оказала книга “Советы о казне” немецкого ученого конца XVI – нач. XVII вв.

* К середине XVII в. русские далеко продвинулись на север Сибири, до Колымы, а на юге вышли к берегам Тихого океана: плавали по Лене, Яне, Индигирке, Иван Москвитин вышел на берег Охотского моря (1638 г.), Михаил Стадухин дошел до реки Колымы (1643-44), Курбат Иванов достиг Байкала (1643), Алексеев и Дежнев прошли из Ледовитого в Тихий океан (1648), Поярков (1643-1646) и Хабаров (1647-1651) совершили походы на Амур, Т. Булдаков, С. Сорокоумов и Ю. Селиверстов - плавания по сибирским рекам и Северному океану [4, 5, 7, 17, 18, 38]. Появляются первые письменные документы об открытиях в Сибири (“рописи”, “отписки”, “чертежи” и т. д.) [38] В этих документах есть сведения и о месторождениях полезных ископаемых. Уже в первой половине XVII столетия московские власти неоднократно посылали на Урал и в Сибирь русских и иностранных рудознатцев, а в 20-е годы предпринимались попытки наладить выплавку железа из сибирской руды (в Кузнецком, Туринском и Томском уездах), на юге Западной Сибири добывали самосадочную соль. С середины XVII в. на Урале и в Сибири поиски руд и других полезных ископаемых приобретают все больший масштаб.

Максима Фауста, изданная в 1641 г. и трактующая, среди прочего, о горном деле, о ремеслах, о земледелии, о торговле. Эту книгу Крижанич упоминает не только в “Политике”, но и в своих ранних письмах в Конгрегацию пропаганды веры. Так, в апреле 1647 г. в одном из своих донесений в Рим он сообщает: “я купил в Вене новую книгу под названием “Советы о казне” [8]. Тем не менее, как считают историки (см., например, [22]), прямых заимствований из работы Фауста у него нет. В “Политике” Крижанич ссылается также на итальянского натуралиста У. Альдрованди, начавшего в 1599 г. многотомное иллюстрированное издание “Естественной истории”, завершённое его учениками и последователями. Альдрованди больше всего интересовался вопросами зоологии, но, видимо, был первым, кто употребил слово “геология”. Нужные сведения об использовании минеральных ресурсов и о положении горнорудного дела в России Крижанич мог получить от Б.И. Морозова и его приказчиков, а также от русских землепроходцев, рудоискателей и купцов непосредственно в Tobольске, где, в частности, могли бывать многие из известных в то время рудознатцев (Д. Тумашев, А. Жилин, В. Еремеев, А. Бермышлев и др.).

Крижанич неплохо ориентируется в мировой горнорудной карте того времени: знает о железном руднике под Тулой, о медных месторождениях в Камской земле, в Швеции, в Хорватии, о месторождениях серебра в Сербии, Польше, Гренландии и драгоценных камней в Индии, о “златых копях в Венгерской и Арабской землях”, об активной горнорудной деятельности венецианцев в Европе, а также испанцев и немцев в Центральной и Южной Америке, о добыче “земного угля” в Шотландии и “серницы” в Курляндии, о месторождениях железа в районе Кузнецкого острога, о соляных озерах и соледобыче на юге Западной Сибири, в Крыму, в Сольвычегодске и Соликамске (он наблюдал соляные промыслы во время своего вынужденного путешествия в Tobольск), о том, что “немцы возят к себе соль из Португальской земли”. Эти знания, безусловно, не только почерпнуты из книг и разговоров “со знающими людьми”, но и, как уже говорилось, являются следствием непосредственных впечатлений Крижанича от его поездок по Европе.

Россия вплоть до конца XVII в. испытывала значительный недостаток во многих металлах. В то время медь, олово, свинец, ртуть, серебро, золото и существенная часть железа поступали в страну главным образом из-за рубежа [4, 18]. В отличие от металлообработки горнорудное дело и металлургическая промышленность на

Руси были развиты слабо. К тому же, русская железная металлургия до 1640-х годов основывалась только на бедных болотных и озерных рудах, добываемых в основном местными крестьянами, главной деятельностью которых было земледелие [36]. Для многих из них горный промысел был в лучшем случае дополнительным источником существования, если вообще не своеобразным наказанием. Это хорошо понимает и Крижанич, писавший, что крестьянин, обнаруживший руду, “боится, чтобы его поле не испортилось или чтобы его и его соседей не заставили работать в руднике” [34].

Крижанич осведомлен, что в России практически нет, за редким исключением, разрабатываемых месторождений золота, серебра, олова, свинца, ртути, “хорошего железа”, драгоценных камней, минеральных красок, и делает верный вывод о слабом развитии в стране горнопромышленного производства. Относительно неплохо был, видимо, развит соляной промысел. В частности, сохранились описания и многочисленные изображения соляных варниц, тогда как, например, описаний и изображений русских горнодобывающих предприятий и металлургических заводов тех времен практически нет. Однако добыча и варка соли в основных центрах солеварения (Старая Русса, Соль Галицкая, Соль Вычегодская, Соль Камская и др.) производились довольно простыми способами. Не менее примитивной была и добыча самосадочной соли в озерах: лежащую пластами по берегам озер соль сгребали лопатами и грузили на транспортные средства.

Социально-экономические условия XVII в. не способствовали выявлению специалистов из народа и вынуждали Московское правительство пользоваться услугами иностранных рудознатцев и рудоплавильщиков [47]. Действительно, в русских перечнях профессий конца XVI и первой половины XVII в. встречаются, например, специалисты по обработке металла, но практически отсутствуют металлурги, получающие металл, горняки, добывающие руду, и разведчики, занятые поиском месторождений. Иногда тех, кто “копал” руду называли “делающими землю рудною” [62]. Лишь во второй половине XVII в., когда добыча руд постепенно отделяется от металлургии, ищущих руду стали называть рудознатцами, копающих руду - рудокопщиками, перерабатывающих руду - рудоплавами. К сожалению, под видом рудознатцев на Русь часто приезжали авантюристы самых разных мастей, о некоторых из них нам рассказывает и Крижанич.

Такое положение дел в горном деле, видимо, и обусловило тот факт, что в понимании Крижанича “добывание руд” - это не только

извлечение их из недр, но и любые действия, направленные на получение полезного ископаемого, например, покупка за рубежом руды, металлов, “сырья и невыделанных материалов” и т. п. В “добывании руд” особая роль отводится государству, его учреждениям. Крижанич убежден, что развитие горного дела и использование минерального сырья в основе своей должны осуществляться при целенаправленном участии и достаточно жестком контроле со стороны казны. В этом нет ничего удивительного, поскольку трудно было ожидать от такого пытливого наблюдателя, как Крижанич, другой точки зрения. Минеральные ресурсы в России практически всегда рассматривались главным образом с точки зрения интересов государства. К тому же, в российских условиях того времени организация дорогостоящих и часто опасных экспедиций по поиску руд и затем – в случае удачи – осуществление разработки месторождений без деятельного участия государства представлялись мало эффективными*. Но еще раз надо подчеркнуть, что государственный контроль, в понимании Крижанича, – это не бессмысленное людодерство, а соблюдение законов.

Строгое определение термина “руда” у Юрия Крижанича отсутствует. Рудой он может называть собственно металл, а также любое полезное ископаемое, “будь то железо или соль, или сера, или селитра, или что-либо иное”, иногда различает “разные руды, соль, серу и краски”, которые “лежат в земле”, пишет о том, что в районе Красного Яра “копают руду черного и белого железа” [34]**. Тем не менее в

* В Сибири поиск полезных ископаемых рудоискатели осуществляли на свои средства, что, однако, не являлось гарантией на получение права на разработку найденных месторождений, и даже вопрос о награждении первооткрывателей оставался открытым. Но уже в конце 1660-х гг. и в последующие 70-е годы на Урале и в Сибири работало несколько экспедиций, снаряженных на государственный счет [36].

** Широкое толкование научных терминов было традиционным для того времени. Необходимость однозначного их толкования еще не была осознана. Агрикола, используя, например, латинское слово “metallum”, отмечал, что оно имеет много значений: определенное семейство минералов, включающее золото, серебро и др.; рудник, где добывают один из металлов; рудники других минералов; руда, из которой выплавляется металл; рудоносная жила [2]. Галилей первым твердо установил необходимость строгого определения всякого термина путем его номинальной или абстрактной дефиниции. Т. Гоббс подчеркивал, что не может быть правильного, а тем более точного научного языка без ясного осознания многозначности слов. Свет человеческого ума, утверждал он, это вразумительные слова, однако предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными определениями.

“Истории о Сибири” Крижанич рассказывает о том, как алхимики и рудоплавы, обманывая своих заказчиков, пытаются их убедить, что та или иная руда содержит серебро, хотя на самом деле его в ней нет [33]. И так, руда – это, прежде всего, природное минеральное образование, содержащее некий ценный компонент (главным образом, металл). В своей классификации природных ресурсов, как отмечено выше, к рудам Крижанич относит только металлы, в том числе самородную ртуть, которую явно считает металлом (как и Агрикола, для которого металл – это жидкое или твердое ископаемое тело, плавящееся на огне)*. Киноварь Крижанич включает в группу “минералов и красок”, что логично, учитывая широкое использование киноварных красок. Руды, по Крижаничу, бывают “плохими” (бедными) и “хорошими” (богатыми). Он, например, использует такие термины, как “не очень хорошая руда” и “хорошая руда”; пишет о невысоком качестве болотных и озерных железных руд Центральной России, тогда как в районе Кузнецка добывается “наилучшее железо”.

Развитие многих ремесел зависит от наличия достаточного количества соответствующего природного сырья. Именно поэтому, убежден Крижанич, необходимы специальные усилия государства и деловых людей, направленные на поиск руд и других полезных ископаемых. А вот с этим на Руси, справедливо считает он, дела обстоят чрезвычайно плохо. Поэтому свои рассуждения о перспективах развития российского горного дела Крижанич начинает с выяснения главных причин (называет их “серьезными и везде общими”) слабого развития геологоразведочных работ в России. По его мнению, таких причин несколько [34, 59]:

1. Северные земли “морозны, не гористы, бескаменны и песчаны”, если можно что в них найти, то только железо, но и оно “не бывает очень хорошим” (речь идет о бедных болотных и озерных рудах); есть в России и медь, но лишь в местах гористых, подобных таким, как, например, “шведские рудники и Камские горы”.

* Как известно, одно из самых ранних определений металла принадлежит М.В. Ломоносову: «Металлом называется светлое тело, которое ковать можно. Таких тел находим только шесть: золото, серебро, медь, олово, железо и свинец». Ртуть выпадала. Такое представление существовало до тех пор, пока в 1759 г. в Петербурге М.П. Брауну и М.В. Ломоносову не удалось заморозить ртуть в смеси снега с концентрированной азотной кислотой и получить ее в виде светлого шарика. Твердая ртуть была ковкой и оказалась металлом.

2. Частные люди или подданные неохотно занимаются поисками, поскольку боятся, что найденное отойдет казне. Но даже если они и находят руды, то не сообщают об этом, поскольку опасаются, что их земельный участок испортят или заставят работать в руднике; иногда же “знающий человек найдет руду и сам втайне наживается”.

3. Государственные чиновники не имеют охоты к подобным делам и к тому же боятся наказаний: пообещают найти руду, но не найдут или найденное месторождение будет малозначительным.

4. Отсутствие государственного горнорудного учреждения и соответствующих специалистов: “люди... неискусны и не умеют ни разбираться в рудах, ни искать, ни обрабатывать” их.

5. Большие материальные затраты, связанные с организацией поисковых работ, а также различные опасности, подстерегающие рудознатцев, особенно в Сибири и на окраинных землях.

Просто поразительно, но точка зрения современных исследователей о причинах, сдерживавших поиск и освоение месторождений полезных ископаемых в России в середине XVII столетия, практически полностью совпадает с мнением Юрия Крижанича (см., например, [36, 44, 46]).

Конечно, было бы неправильным делать вывод о том, что русским людям XVII столетия вообще были неизвестны какие-либо геологические знания, геологические и другие признаки месторождений, технические приемы их разработки, обогащения и переработки добытых руд. Определенные, главным образом практические навыки у древнерусских рудоискателей, безусловно, были [35, 44, 47]. Тем не менее Крижанич достаточно верно описывает ситуацию, сложившуюся в российском горном деле к середине XVII в. По авторитетному мнению [44], поисково-разведочные изыскания того времени обнаружили относительно небольшое число полезных ископаемых, а добыча руд и металлургия в тот период находились в зачаточном состоянии*.

* Серьезной проблемой было и отсутствие в стране необходимых приспособлений и соответствующих специалистов для технологической экспертизы руд. В конце XVII столетия экспертиза обычно проводилась в Риге или в Амстердаме, что было крайне неудобно по целому ряду причин, или в Туле кузнецом Н. Антуфьевым (знаменитым Никитой Демидовым). Это, отчасти, и привело Петра I к мысли о необходимости создать единый центр по поиску руд (Приказ рудокопных дел, или Рудный приказ), при котором затем была организована лаборатория, где испытывались образцы доставляемых руд.

С этой точки зрения показательным сообщением красноярского воеводы М. Скрыбина, который в 1654 г. году жаловался царю Алексею Михайловичу на отсутствие специалистов: “не токмо бы, государь, были в Красноярском остроге прямые рудознатцы и к такому делу подлинно знать, коим обычаем из руды плавить достаточное, и в том, государь, месте чаять иные руды. А в Красноярском остроге таких мастеров нет и того знать некому” [44]. Используемое воеводой словосочетание “прямые рудознатцы” свидетельствует о том, что поиском руд в России тогда занимались в основном люди случайные, волей судьбы и повелением начальства к этому делу приставленные. Лишь в самом конце столетия, в 1680-1690-х гг., геологоразведочные работы получили более широкое развитие, что в конечном счете привело к открытию рудных месторождений и обусловило некоторый подъем металлургической промышленности.

Выяснив причины, сдерживающие развитие геологоразведки и, соответственно, горного дела на Руси, Крижанич переходит к рассмотрению способов добывания полезных ископаемых, разделяя их на “малополезные” и на “более надежные” [33, 34]. К первым относятся:

1. Строительство рудников иностранцами «господарёвым накладом» (на государственный счет), что требует “несметное множество денег”, а иностранцы, как правило, преследуют корыстные цели и выгоды только для себя, просят больших средств, а верной прибыли не гарантируют.

2. Обещание государева жалованья или платы за найденные руды. Крижанич явно исходит из того, что могут появиться ложные заявления о якобы найденных месторождениях, особенно серебряных и золотых; проверка их потребует снаряжения экспедиций, сопровождаемых военными отрядами, и, как следствие, приведет к неоправданным затратам; действительность подтверждала эти опасения; об одном таком случае он рассказал в “Истории о Сибири”*.

* Как заметил В.О. Ключевский, в таких случаях обычно идут “слухи и толки, что наверху жалуют за всякую полезную новость, какую кто найдет или придумает. Когда в обществе возникает стремление, отвечающее насущной потребности, оно овладевает людьми, как мода или эпидемия, волнует наиболее восприимчивые воображения и вызывает болезненные увлечения или рискованные предприятия” [32]. Случай, о котором рассказал Крижанич, упоминается в работах многих исследователей, а недавно был детально изложен на основе исторических источников (см. *Е. Курлаев В поисках серебряной горы. Как государевой казне «тщета и гибель учинились» // Родина, 1999, № 11*). Однако ссылки на свидетельство Крижанича отсутствуют во всех работах.

3. Рассылка по стране “достаточного числа сведущих людей на поиски руд”, что, казалось бы, отчасти противоречит его заявлениям о необходимости систематического изучения территории страны. Во-первых, этот способ из-за своей длительности, значительных капиталовложений и сопутствующих трудностей представлялся ему – чисто с экономической точки зрения - не очень эффективным; во-вторых, Крижанич справедливо считал, что в то время на Руси не было достаточного количества грамотных рудознатцев, большинство из которых “неумовиты... не умеют руд познать”. Поэтому, прежде всего, нужно подготовить таких специалистов, а затем приступить к широко-масштабным геологоразведочным работам.

4. Сдача рудников в аренду своим либо чужеземным торговцам на 20 или 30 лет и последующее изъятие их (уплатив за постройку) в казну. В данном случае, Крижанич явно исходит из нежелания предоставить максимальную выгоду кому-то, но не государству*.

5. Привлечение к поискам руды “волшебников и волхвов”, поскольку “не окончится добром то дело, что делают по совету с чертом”. Иначе говоря, поисками руд должны заниматься профессионально подготовленные люди. Подобной точки зрения придерживался и Агрикола.

Для более эффективного добывания руд следует:

1. Дать “наказ” (своеобразную гарантию от имени государства): если рудознатцы или прочие люди заявят об открытии месторождения, то не будет им никакого наказания, если в действительности там “ничего не окажется”. Крижанич, видимо, полагал, что это позволит привлечь к поискам руд большее количество людей и, в определенной мере, обезопасить и без того нелегкий труд рудознатцев.

2. Узаконить для первооткрывателей, сообщивших об открытых ими месторождениях в соответствующие Приказы, получение “большого государева жалования”.

3. Искать руду в чужих землях, где живут “отсталые и неискусные народы”. Так, например, поступают немцы, французы и испанцы, которые платят откупное и в других странах копают руду для себя; венецианцы раньше в Сербской земле добывали серебро, а сейчас в Хорватской земле копают медь. Крижанич пишет, что, конечно,

* Любопытно, что сейчас в России недра для добычи полезных ископаемых, согласно закону «О недрах», предоставляются на срок до 20 лет; для одновременной добычи и геологического изучения – на срок до 25 лет.

можно и силой завладеть рудными горами, как это сделали испанцы и немцы в Америке, однако “при этом совершается много несправедливости и не следует им в этом подражать”. Надо “добиться доброго согласия с теми народами, чтобы дозволено было царским приказчикам и русским торговцам в тех горах искать руды и заводить рудники”. Он подчеркивает, что есть страны, куда немцы и испанцы не имеют доступа, например, черкесские и грузинские земли, которые “гористы и каменисты, и возможно, что в них есть хорошие руды”*

4. Следует принять закон, согласно которому иностранные торговцы обязаны, “сверх иных товаров”, привозить в Россию “на каждом возу и на каждой ладье” немного какой-нибудь руды или металлов (серебра, меди, олова, свинца, хорошего железа), а в противном случае, “без рудного товара”, нельзя будет им “свободно... торговать”.

5. Постоянно покупать руды, “сырье и невыделанные материалы” в других странах**.

Различая малополезные и более надежные способы добывания руды, Крижанич оценивает их, прежде всего, с позиций материальных и физических затрат, необходимых для получения ценного компонента, и исходит в основном из экономических соображений - быстрой для страны выгоды и создания государственных запасов руд и металлов. В то время для России такой подход был оправданным, поскольку она нуждалась в различных металлах (войны со Швецией и Польшей, плачевное состояние московских финансов из-за неудачного эксперимента с медными деньгами и др. ***).

* Между прочим, известно, что в 1660-х гг. Московское государство предпринимало попытки организовать добычу серебряной руды в Грузии [36].

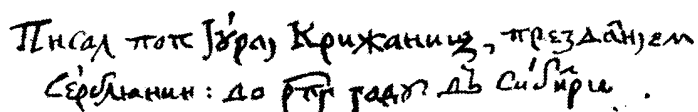
** Интересно, что в 1680 г. селенгинскому воеводе Ивану Власову предписывалось разузнавать от иноземцев о наличии различных руд в Китае, Индии и Никанском царстве. Как предполагает А.А. Кузин [36], не исключено, что имелось в виду получение каким-либо способом (покупкой - ?) этих руд. В 1675 г. посольство астраханского купца Касимова в Бухаре и Кабуле вело переговоры с местными властями о возможности получения серебра и драгоценных камней в обмен на меха [18].

*** Крижанич понимал всю бессмысленность эксперимента с медными деньгами и ту выгоду, которую получили иностранные купцы при выкачивании серебряных денег из России, когда они “всю меховую казну... скупили за медные деньги, а затем привезли ее опять на Русь и за бесценнок спустили за серебро, и тем причинили царской казне и всему народу несметный убыток” [34].

Будучи противником монополий (винной, на соль, икру и др.), Крижанич считал, что “одни лишь рудники нельзя устроить иначе, чем с помощью монополий”, однако их надо “давать не кому-нибудь одному, а попеременно..., и то не чужеземцам, а местным жителям, даже если чужеземец и пообещает больше заплатить” [34].

В XVII столетии в России все еще не было государственного органа управления, отвечающего за организацию и проведение поисков, за разведку и разработку месторождений полезных ископаемых, их учет. Поиском и добычей руд занимались различные Приказы, как правило, попутно с выполнением ими основных функций. Крижанич предлагает создать особый приказ, ведающий ремеслами и промыслами, в том числе горным делом.

В самом конце XVII в. эта проблема отчасти была решена, а 2 сентября 1700 г. был организован Приказ рудокопных дел. Его руководителем был назначен А.Т. Лихачев, видимо, лично знавший Крижанича [68]*. Начинаясь новый век, сыгравший немалую роль в изучении природы и в освоении природных богатств России.

Писал поск Юрья Крижанич, прездануем
Седейанин: до ртут гадат дь Сибиря.

* Это - пока - не более чем догадка. Тем не менее, будучи в ссылке, Крижанич одно из своих сочинений хотел посвятить и передать ученику Лихачева - царевичу Алексею, однако смерть последнего не позволила это сделать. В 1675 г. хорват письменно обращался к царевичу Федору (его учителем также был Лихачев) и предлагал ему свои услуги как ученого человека. Не исключено, что “любимец” царевичей А.Т. Лихачев был в курсе этих обращений, а зная доброжелательный характер первого российского министра рудокопных дел, заядлого книголюба и книгочеля, можно предположить, что Крижанич писал свои обращения по его совету. Как известно, Юрий Крижанич вернулся из ссылки сразу же после воцарения Федора – грамота об его освобождении была одним из первых царских распоряжений, доставленных тогда в Тобольск.

Заключение

Семнадцатое столетие и особенно его вторая половина занимают важное место в истории России. Это время небывалых противоречий и контрастов в экономической, политической, духовной жизни русского общества, время, когда в истории русской культуры завершается период средневековья и начинается переход к новому периоду, время, когда “старая Россия оканчивалась, начиналась новая” [61], когда “началось вхождение Московской Руси в мировую цивилизацию... Оно могло произойти только потому, что в общеобязательности и единстве научных выводов был к этому времени найден в жизни человечества общий для всех людей вечный элемент психической жизни, а научные применения в быту, личной и общественной жизни с каждым годом усиливали реальное и всеми сознаваемое значение научной работы” [16].

К концу XVII века в России появилась значительная группа образованных людей, способных служить ядром распространения знаний и современной науки. Это были “наиболее выдававшиеся люди преобразовательного направления” [32], люди сложной, порой трудной, трагической судьбы, часто не находившие понимания у современников, но оставившие яркую страницу в истории русской науки и культуры, в истории российского государства. Выдающимся представителем этой группы был “пришелец и изгнанник” Юрий Крижанич.

Многое из того, что было намечено Крижаничем в его реформаторском плане экономического развития и культурного возрождения России было воплощено в жизнь при царе Федоре Алексеевиче, но особенно Петром I (В.И. Пичета называет его идейным последователем Крижанича) и даже Екатериной II (как считает, например, П.Н. Милюков). Но многое из творческого наследия ученого хорвата так и осталось не востребованным. Был или не был знаком Петр I с политико-экономическими трудами ученого хорвата – не так уж важно. Судя по всему, – нет, не был знаком. Вряд ли он читал Крижаничеву “Политику”, написанную на всеславянском языке, изобретенным тобольским заточником. Тем не менее доподлинно известно, что некоторые ближайшие сотрудники Петра лично знали Крижанича*,

* Многие деятели “преобразовательного направления” времен царя Федора Алексеевича не только лично знали Крижанича, но и были знакомы с его трудами, которые имелись в их библиотеках.

что определяет – пусть малую - вероятность того, что некоторые его идеи и предложения могли через них дойти до царя-преобразователя. В самом деле, вот круг главных идей, которые, по мнению В.И. Вернадского, воспринял Петр I и “которые росли в его время” [16]*:

1) идея о значении науки и знания как будущем реорганизаторе человечества;

2) идея о значении для страны благоприятного торгового баланса, идея так называемого кольбертизма**;

3) идея о государственном управлении как хозяйственном управлении, научно правильном извлечении доходов на государственное хозяйство с помощью государственного механизма.

Все три идеи достаточно ясно высказаны Юрием Крижаничем, им же были предложены или хотя бы намечены пути их практического воплощения с учетом российской действительности***.

Но главное, пожалуй, в том, что именно в работах Крижанича впервые так отчетливо были сформулированы положения о роли и значимости природных условий и природных ресурсов в экономике страны и в жизни общества, об особенностях их освоения, охраны и рационального использования, необходимости их учета и системати-

* “Гений – это общая идея, выношенная и вскормленная инстинктом и настроением” (Ален Суждения: Пер. с фр. – М.: Республика, 2000).

** Жан Батист Кольбер (1619-1683), министр финансов Франции с 1665 г. Его экономическая политика (кольбертизм) – одна из разновидностей меркантилизма. Он добивался роста государственных доходов главным образом созданием крупных мануфактур, увеличением вывоза и сокращением ввоза промышленных изделий; многое сделал для развития науки, образования и культуры во Франции.

*** В.И. Вернадский также подчеркивал, что богатство страны может быть разложено на две хотя и связанные, но во многом независимые друг от друга части: 1) силы природы той территории, которая находится в распоряжении страны (естественные производительные силы страны - богатство ее недр, почв, продукты ее животного и растительного царства, источники механической энергии, ей свойственные), и 2) духовные силы народа, который эту территорию занимает (они определяются его способностью к работе, его честностью, моральными и умственными качествами и являются основным условием национального богатства). Всемерное развитие естественных производительных и духовных сил страны как основы ее благосостояния есть и главная идея реформаторского плана Крижанича. В.И. Вернадский предлагал начинать историю “понимания значения изучения естественных производительных сил России” с XVIII в. Работы Юрия Крижанича позволяют вести этот отсчет с 2-й половины XVII столетия.

ческого изучения. Его учение о природопользовании и развитии горного дела - уникальное явление в истории становления главных принципов освоения природных ресурсов. Ни тогда, ни много позже ничего равного в области теории и практики природопользования не было предложено*. Идеи Крижанича следует рассматривать в качестве исторического фундамента научного природопользования. Так, Ю.Н. Куражковский, автор термина “природопользование”, писал: “Задачи природопользования как науки сводятся к разработке общих принципов осуществления всякой деятельности, связанной либо с непосредственным использованием природой и ее ресурсами, либо с изменяющимися ее воздействиями. Конечная цель этой разработки – обеспечить единый подход к природе как к всеобщей основе труда**”. Объектом природопользования как науки служит комплекс взаимоотношений между природными ресурсами, естественными условиями жизни общества и его социально-экономическим развитием. Его предметом можно считать оптимизацию этих отношений, стремление к сохранению и воспроизводству среды жизни [57]. Природопользование как сфера знания включает в себя элементы естественных, общественных и технических наук. Все эти аспекты в той или иной степени нашли отражение в учение Крижанича, которое, опередив время, не утратило своего значения и сейчас. Юрия Крижанича по праву следует считать и основоположником научной дисциплины, получившей название “экономики природопользования”***.

* “Если мы попытаемся охватить то знание, какое имел или мог иметь образованный человек второй половины и даже конца XVII столетия о Московской Руси – ее физической географии, ее этнографии, ботанике, зоологии, геологии, мы удивимся той поразительной бедности знаний, какая здесь наблюдается” [16]. Вот в таких “информационных условиях” работал тобольский “ссылнопоселенец” Юрий Крижанич, хорват по национальности и католик по вероисповеданию.

** Ю.Н. Куражковский *Очерки природопользования*. - М., 1969.

*** “Экономика природопользования изучает... меняющиеся, естественные условия среды обитания человека и уровни использования обществом... природной среды... Экономика природопользования изучает производственные отношения между людьми,... по поводу использования людьми сил и ресурсов природы... Экономика природопользования применяет данные... экономических наук, а также естественных наук – геологии, биологии, почвоведения, лесоведения, метеорологии, демографии и других..., их выводы и положения, которые необходимы для обоснования наиболее эффективных методов использования условий и ресурсов природы” [66]. Именно об этом – несколько в иной терминологии – в сущности рассуждает и Крижанич.

В начале третьего тысячелетия Россия в который раз ищет свой путь, свое место в мировой истории. “Поэтому наше время есть время поворота. Никогда еще отрицательные силы человеческого существа не выступали с таким дерзновением, так самоуверенно, с таким самосознанием; никогда еще они не делали таких вызывающих попыток захватить власть над миром; никогда еще человек не располагал такими техническими возможностями, никогда еще он не владел такими разрушительными средствами... Прежнее равновесие утрачено”*.

“Перед общим благом и общим будущим отступают и бледнеют мелкие вопросы личной, будничной жизни... Что делать? Как быть? Как найти применение поднявшемуся чувству гражданственности? Как вывести страну из тяжелого кризиса? Что делать для этого отдельной личности?.. Когда жизнь страны и народа войдет в нормальное русло? Когда кругом нас улягутся страсти, возьмет верх обыденная жизнь, огромное большинство населения вернется к текущим жизненным заботам? Когда творческая работа русского общества пойдет вперед без скачков и перерывов?.. Каждый человек должен искать своего ответа на запросы жизни”**.

Почти три с половиной века назад в Сибири, в Тобольске, “во отлучении от человеческого общения и совета”, Юрий Крижанич, человек нашего “рода-племени”, пытался своими “философскими промыслами” россиянам “умные очи открыть” и вместе с ними найти ответы на волнующие Россию вопросы, но с горечью написавшего: “не умеют наши люди ни в чем держаться меры и идти средним путем, а всегда плутают в крайностях и погибелях” [34]. Конечно, можно сожалеть об этом, можно каяться, но Спиноза прав, говоря что раскаяние – это вторая ошибка. Раскаяние часто необходимо, но иногда оно не только бесполезно, но и вредно, поскольку заставляет нас рассуждать и искать понапрасну.

“Прошлое – это настоящее,... мы суть его итог, а то настоящее, в котором мы живем – производное от прошлого. Последнее в таком случае всегда актуально, поскольку служит недрами, основой современности. Вот почему, в сущности, безразлично, приветствует или освистывает предшественников каждое новое поколение, - скажем,

* *И.А. Ильин* Путь к очевидности. - М.: Республика, 1993.

** *В.И. Вернадский* Три решения. Мысли из жизни // Полярная звезда, 19 марта 1906 г, № 14.

в любом случае оно всегда содержит их в себе... Нужно уяснить себе, что прошлое не уходит бесследно, что мы не висим в воздухе, а стоим на чужих плечах,... находимся во вполне определенном прошлом – на пути, пройденном человечеством до сего времени. Сам этот путь, бесспорно, мог быть иным, но, раз он явился таким, каков есть, он бесповоротен, реален. Таково наше настоящее, где мы, так или иначе, обречены плыть...”*

Как бы там ни было, главное в том, что на дорогах времени, одолженных нами, встречалось и то, что еще может потребоваться, пригодиться в дальнейшем. Главное в том, что дорога пройдена, и мы сейчас именно там, где находимся, и именно из этой точки нам отправляться в будущее, выбирать тот единственно правильный средний путь. Это нелегко, но этому, убежден Крижанич, надо “учиться и надеяться, что... мы сможем... достичь более счастливого состояния”. А для того, “чтобы предстоящий путь был... эволюционным и прогрессивным, прежде всего он не должен отрицать прошлого” [41].

Блез Паскаль, один из гениев XVII столетия, утверждал, что все мудрые наставления у людей есть, недостает только умения ими пользоваться.

Пришло время учиться.

* *Хосе Ортега-и-Гассет* Избранные труды: Пер. с исп. – М.: Весь Мир, 1997.

Литература

1. *Агрикола Г.* О горном деле и металлургии. - М.: Изд-во АН СССР, 1962.
2. *Агрикола Г.* О месторождениях и рудниках в старое и новое время. - М.: Недра, 1972.
3. *Алпатов М.А.* Историческая концепция Юрия Крижанича // Сов. славяноведение, 1966, № 3.
4. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. - М.: Изд-во АН СССР, 1954.
5. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. - М.: Изд-во АН СССР, 1955.
6. *Бейтон А., Казорла А., Долло К., Дре А.М.* 25 ключевых книг по экономике: Пер. с фр. - Челябинск: Урал LTD, 1999.
7. *Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева. - М.: Мысль, 1973.
8. *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России. - М.: Изд. ОИДР, 1901.
9. *Блюш Ф.* Людовик XIV: Пер. с фр. - М.: Ладомир, 1998.
10. *Бондарев Л.Г.* Особенности экологической ситуации в средневековой Европе // Вестник Московск. ун-та. География, 1996, № 1.
11. *Бондарев Л.Г.* Особенности экологической ситуации на Пиренейском полуострове в VII-XVII вв. // Вестник Московск. ун-та. География, 1998, № 2.
12. *Бондарев Л.Г.* История природопользования: Учебное пособие. - М.: Изд-во МГУ, 1990.
13. *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 3: Пер. с фр. - М.: Прогресс, 1992.
14. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. - М.: Наука, 1988.
15. *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. - М.: Наука, 1988.
16. *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. - М.: Наука, 1988.
17. *Вернадский Г.В.* Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в. // ЖМНП, 1915, № 4.
18. *Вернадский Г.В.* История России: Московское царство: Ч. 2: Пер. с англ. - Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997.
19. *Верт Н.* История советского государства. 1900-1991: Пер. с фр. - М.: Прогресс-Академия, 1994.
20. *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет. - М.: Просвещение, 1973.
21. *Воейков А.И.* Способы воздействия человека на природу // Избранные сочинения. Т. 4. - М.: Изд-во АН СССР, 1957.
22. *Гольдберг А.Л.* Комментарий // *Ю. Крижанич* Политика. - М.: Новый свет, 1997.
23. Граматично искажение об Руском езику; сочинение попа Юрка Крижанича, презванем Серблянина, писано в Сибири лета 7174; с предисловием О. Бодянского // Чтения ОИДР, 1848, кн. 1.
24. *Громов М.Н.* Систематизация эмпирических знаний в Древней Руси // Естественнонаучные представления Древней Руси. - М.: Наука, 1978.

25. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. - СПб.-М.: Изд. М.О. Вольфа, 1882.
26. *Декарт Р.* Избранные произведения: Пер. с фр. и лат. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1950.
27. *Дик Н.Е.* Ломоносовский период в развитии русской географии. - М.: Мысль, 1976.
28. Домострой. - М.: Сов. Россия, 1990.
29. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. - М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.
30. *Замалеев А.Ф.* Восточнославянские мыслители: Эпоха Средневековья. - СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998.
31. Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. - М.: Соцэкгиз, 1961.
32. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 3. - М.: Мысль, 1989.
33. *Крижанич Ю.* История о Сибири // Сибирь в XVII веке. - М.: Типография Л. и А. Снегиревых, 1890.
34. *Крижанич Ю.* Политика. - М.: Новый свет, 1997.
35. *Кузаков В.К.* Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X-XVII вв. - М.: Наука, 1976.
36. *Кузин А.А.* История открытия рудных месторождений в России до середины XIX в. - М.: Изд-во АН СССР, 1961.
37. *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи. - М.: Археографический центр, 1997.
38. *Лебедев Д.М.* География в России XVII века. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
39. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения. В 2-х т. - М.: Наука, 1986.
40. *Менделеев Д.И.* Границ познанию предвидеть невозможно. - М.: Сов. Россия, 1991.
41. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.). - М.: Мысль, 1995.
42. *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 3. - М.: Прогресс – Культура, 1995.
43. *Минард Е.* Эволюция богов. Альтернативное будущее человечества: Пер. с англ. - М.: Мир, 1996.
44. *Новомбергский Н.Я., Гольденберг Л.А., Тихомиров В.В.* Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 8. - М.: Углетехиздат, 1959.
45. О Промысле. Сочинение того же автора, как и “Русское государство в половине XVII века”. Сведения об открытой рукописи П. Безсонова. - М.: Типография А. Семена, 1860.
46. Очерки истории техники в России. - М.: Наука, 1978.
47. Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. - М.: Изд-во МГУ, 1979.
48. *Панченко А.М.* О русской истории и культуре. - СПб.: Азбука, 2000.

49. *Пичета В.И.* Юрий Крижанич. Экономические и политические его взгляды. - СПб.: Книгоиздательство Типо-литографии "Энергия", 1914.
50. *Платонов Л.Н.* Иван Посошков. - М.: Экономика, 1989.
51. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. - М.: Высшая школа, 1993.
52. Полный церковно-славянский словарь. Т. 2. - Москва: ТЕРРА, 1998.
53. *Посошков И.Т.* Книга о скудности и богатстве и другие сочинения. - М.: Изд-во АН СССР, 1951.
54. *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. - М.: Книга, 1990.
55. *Пушкарев Л.Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. - М.: Наука, 1984.
56. *Райнов Т.* Наука в России XI-XVII вв. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
57. *Реймерс Н.Ф.* Природопользование. Словарь-справочник. - М.: Мысль, 1990.
58. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. - М.: Аспект Пресс, 2001.
59. Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Безсонов. - М.: Типография А. Семена, 1859.
60. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. - СПб.: Типография Академии наук, 1903.
61. *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 7. - М.: Мысль, 1991.
62. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. - СПб., 1893.
63. Толковый горно-геологический словарь. Основные термины. - М.: Русский язык, 1993.
64. *Уайтхед А.* Избранные работы по философии: Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1990.
65. *Эйдельман Н. Я.* "Революция сверху" в России. - М.: Книга, 1989.
66. Экономика природопользования. Учебник для экономических специальностей университетов. - М.: Изд-во МГУ, 1991.
67. *Эмерсон Р.* Эссе. *Торо Г.* Уолден, или Жизнь в лесу: Пер. с англ. - М.: Художественная литература, 1986.
68. *Янин Е.П.* Алексей Тимофеевич Лихачев – первый российский министр рудокопных дел // Геологический вестник Центральных районов России, 2000, № 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
О народном хозяйстве и об умножении государственной казны.....	13
О народном образовании и науке.....	25
Принципы и основные направления рационального природопользования в России.....	39
О “сыске руд” и развитии горного дела в России.....	60
Заключение.....	71
Литература.....	76

Янин Евгений Петрович
Юрий Крижанич и его учение о природопользовании
и развитии горного дела в России

Утверждено к печати
Институтом минералогии, геохимии
и кристаллохимии редких элементов

Редактор Т.И. Нефелова

Подписано к печати 18.02.2002.
Формат 60 x 90 1/16. Уч. изд. л. 5.
Тираж 200. Заказ 4-2002.
Полиграфическая база ИМГРЭ.